

ТАМ, ГДЕ ОСТАНОВИЛОСЬ СЕРДЦЕ

СКОТТ РОБЕРТС

Там, где остановилось сердце

Скотт Робертс

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Утренний свет

Глава 2. Чужие слова

Глава 3. Шаги на лестнице

Глава 4. Бетон и холод

Глава 5. Человек в форме

Глава 6. Странная забота

Глава 7. Пустые места

Глава 8. Осознание

Глава 9. Глобальное молчание

Глава 10. Белая комната

Глава 11. Оставшиеся

Пролог

Снег падал на бетонный двор медленно и бесшумно.

В такие утренние часы мир кажется абсолютно мирным. Ни звука сирен. Ни криков. Только ровный, белый свет, проникающий сквозь узкое окно с металлической решеткой.

На столе лежала папка. Обычная картонная папка, какие тысячами лежат в архивах больниц и поликлиник. Внутри несколько листов бумаги. Результаты анализов. Ультразвуковое исследование. Кардиограмма. Ровная линия, взлет, падение, снова ровная линия. Ритм живого человеческого сердца.

В правом верхнем углу листа не было имени. Только номер. И красная отметка с указанием группы крови и резус-фактора.

Человек, которому принадлежало это сердце, сидел сейчас в камере на третьем этаже. Возможно, он смотрел на тот же падающий снег. Возможно, вспоминал свой дом. Запах утреннего чая. Смех ребенка. Тепло нагретого солнцем асфальта в городском парке, где он когда-то делал утренние упражнения.

Он еще не знал, что его судьба уже решена.

Он не знал, что в другой части страны, в светлой и чистой палате частной клиники, другой человек уже оплатил счет. Большой счет. За новую жизнь. За новое сердце.

Трагедия редко начинается с громких взрывов. Она приходит тихо. Она вползает в дома через экраны телевизоров, через газетные заголовки, через новые, незнакомые слова, которые вдруг начинают повторять соседи. Сначала люди просто отводят взгляд. Потом перестают здороваться. Потом кто-то пишет первый донос.

Механизм запускается беззвучно.

Чтобы убить человека, нужно сначала убедить всех, что он не совсем человек. Нужно лишить его лица. Назвать его угрозой. Повесить ярлык. Когда общество соглашается с этим ярлыком, стирается невидимая граница. И тогда за человеком можно прийти ночью.

В этой истории нет выдуманных ужасов. Реальность оказалась страшнее любого вымысла.

Это история о Линь, школьной учительнице, которая любила поэзию эпохи Тан и верила в справедливость. Это история о Вэе, студенте, который только начал понимать, как устроен мир. Это история о Лао Чэне, мужчине с тихим голосом и добрыми руками. И о Мэй, которая больше всего на свете боялась, что ее маленькая дочь забудет ее лицо.

Они были обычными людьми. Они практиковали Фалунь Дафа. Они искали внутреннюю тишину, здоровье и покой. Они никому не желали зла.

Но государство увидело в их независимости, в их тихой вере угрозу. И тогда началась кампания. Методичная. Холодная. Расчетливая.

Сначала у них отняли право говорить. Затем у них отняли свободу. А потом в тени этой системы возникла еще более страшная логика: даже лишённые голоса и свободы, эти люди могли рассматриваться как ресурс. Не как личности, а как тела. Их тела часто были здоровы. Их органы могли подходить для трансплантации.

Папка на столе была лишь одной из тысяч.

Врач в белом халате подошел к столу. Он взял ручку. Он не думал о человеке на третьем этаже. Он думал о графике операций. О логистике. О том, как быстро специальный фургон сможет доставить контейнер со льдом в аэропорт.

Он поставил подпись.

В этот момент на третьем этаже Лао Чэнь закрыл глаза и глубоко вдохнул холодный воздух камеры. Его сердце билось ровно и спокойно. Оно отсчитывало последние дни.

Потому что самое страшное в этой трагедии — это обыденность. Чистые коридоры. Белые халаты. Аккуратные списки.

И тишина.

Тишина, в которой останавливались сердца.

Глава 1

Утренний свет

Город просыпался медленно.

Сначала исчезала темнота. Небо над крышами невысоких домов становилось темно—серым, затем приобретало оттенок бледного свинца, и только потом сквозь утреннюю дымку начинал пробиваться робкий, рассеянный свет.

В половине шестого утра улицы были почти пусты.

Лао Чэнь вышел из своего подъезда и тихо прикрыл за собой тяжелую металлическую дверь. Он старался не шуметь, чтобы не разбудить соседей на первом этаже. Воздух был свежим, по-весеннему влажным.

Мужчина поправил легкую куртку и неспешно зашагал вдоль аллеи.

Его шаги были ровными. Подошвы матерчатых туфель мягко касались земли. Еще несколько лет назад такая утренняя прогулка далась бы ему с трудом. Лао Чэнь помнил времена, когда каждое движение отзывалось тупой болью в пояснице и коленях. Он проработал на текстильной фабрике сорок лет. Шум станков, влажная духота цеха, тяжелые рулоны ткани — все это забрало его здоровье по капле. К выходу на пенсию он чувствовал себя старым, изношенным механизмом.

Но сегодня ему было легко. Он дышал глубоко и свободно.

Лао Чэнь направлялся в городской парк. Это был его ежедневный ритуал. Ритуал, который вернул ему силы.

Когда он подошел к главным воротам парка, солнце уже начало золотить верхушки старых камфорных деревьев. На широкой асфальтированной площадке перед искусственным озером уже собирались люди.

Их было много.

Сначала десятки, потом сотни. Мужчины и женщины. Пожилые и совсем юные. Они приходили пешком, приезжали на велосипедах, тихо здоровались друг с другом кивком головы и занимали свои места на площади. Никто не толкался. Никто не повышал голос.

Это был 1998 год. Время, когда утренние парки по во многих городах Китая принадлежали им.

Учение Фалунь Дафа, или Фалунгун, появилось совсем недавно, в 1992 году. Сначала это была лишь небольшая группа людей в одном из северных городов. Но практика распространялась с невероятной скоростью. От человека к человеку. От семьи к семье. От двора ко двору.

К концу десятилетия, по официальным данным властей, число последователей превысило семьдесят миллионов человек. Почти каждый десятый житель огромной страны. Их было больше, чем членов правящей партии.

Людей привлекала простота. Не нужно было платить взносы. Не нужно было записываться в списки. Не существовало никаких закрытых клубов или тайных обществ. Это была открытая духовно-оздоровительная практика. Система самосовершенствования, основанная на традиционных цигун-упражнениях. В ней гармонично сплелись элементы буддизма, даосизма и древних народных верований.

Общество принимало это с радостью. Некоторые государственные структуры и представители официальной среды в первое время относились к практике благожелательно за то, что она помогает людям сохранять здоровье, снижая нагрузку на больницы и поликлиники. Это считалось возвращением к корням, к традиционной культуре, которую так долго пытались забыть в годы бурных исторических перемен.

Линь подошла к площадке, когда Лао Чэнь уже расстелил свой небольшой коврик.

Она улыбнулась мужчине. Он ответил ей добрым прищуром глаз.

Линь было тридцать четыре года. Она преподавала литературу в средней школе. В ее сумке лежали стопки непроверенных ученических тетрадей, а в голове крутились строки из поэзии эпохи Тан, которые она должна была сегодня объяснять восьмиклассникам. Жизнь школьного учителя — это постоянный шум. Звонки, крики в коридорах, собрания, отчеты.

Но здесь, на этой площади, Линь находила тишину.

Она достала из сумки небольшой кассетный магнитофон. Поставила его на каменный парапет у края площадки. Нажала кнопку.

Над парком поплыла плавная, спокойная музыка. Звуки традиционных китайских инструментов эрху и гучжэна смешивались с утренним пением птиц.

Сотни людей одновременно подняли руки.

Движения были медленными, округлыми, непрерывными. Они напоминали течение воды в спокойной реке. Никакого напряжения. Никакой спешки.

Линь закрыла глаза. Она сосредоточилась на дыхании. В этот момент для нее перестали существовать школьные проблемы, неоплаченные счета за электричество, шумный сосед за стеной. Осталось только ощущение энергии, текущей по телу. Практика учила трем простым принципам: Истина, Доброта, Терпение. Линь старалась применять их каждый день. Не злиться на нерадивых учеников. Быть честной с собой. Помогать тем, кому трудно.

Это казалось таким естественным. Таким правильным.

Слева от Линь стоял Вэй.

Он приехал на старом велосипеде марки «Летающий голубь», прислонил его к стволу дерева и тихо присоединился к рядам. Вэю было двадцать лет. Он учился на физическом факультете городского университета.

В традиционном китайском обществе возраст и статус всегда имели огромное значение. Студент должен был почтительно кланяться профессору. Молодой человек должен был уступать старшим. Иерархия пронизывала всю жизнь.

Но здесь, на этой залитой утренним светом площади, иерархии не существовало.

Вэй, студент университета, стоял плечом к плечу с Лао Чэнем, бывшим рабочим фабрики. Рядом с ними выполнял упражнения директор местного рынка. Чуть поодаль врач из городской больницы. Они были равны. Их объединяло не социальное положение, не деньги и не власть. Их объединяло общее стремление к внутреннему покою.

Для Вэя практика была способом справиться с колоссальным давлением. Учеба в университете требовала полной отдачи. Конкуренция была жестокой. Родители в деревне копили деньги, чтобы оплачивать его жизнь в городе, и он не имел права их подвести. Иногда от напряжения у него начинались мигрени.

Но утренние упражнения снимали эту тяжесть. Вэй делал плавный жест руками, опуская их вниз, и чувствовал, как тревога уходит в землю. Его ум становился ясным. Формулы и графики, которые казались хаотичными вечером, утром выстраивались в стройную, логичную систему.

Чуть в стороне, у самого берега озера, расположилась Мэй.

Она пришла с четырехлетней дочерью. Девочка была одета в легкую розовую курточку. Ей было скучно просто стоять, и она пыталась повторять движения за

взрослыми. Получалось неуклюже. Она теряла равновесие, взмахивала руками, как маленькая птица, и тихо смеялась.

Мэй не ругала ее. Она лишь мягко поправляла руки дочери, показывая, как нужно держать ладони.

Мэй работала бухгалтером. Ее муж часто уезжал в командировки, и воспитание ребенка полностью лежало на ее плечах. Она начала практиковать Фалунь Дафа год назад, когда поняла, что постоянная усталость делает ее раздражительной. Она срывалась на дочь по пустякам, а потом долго плакала от чувства вины.

Практика вернула ей мягкость. Она научилась останавливаться. Научилась делать паузу перед тем, как сказать резкое слово.

Музыка на кассете сменилась. Началась пятая часть упражнений.

Люди стали опускаться на землю.

Они садились на свои небольшие коврики, скрещивали ноги в позе лотоса и выпрямляли спины. Традиционная медитативная практика.

Площадь погрузилась в абсолютную тишину.

Сотни людей сидели с закрытыми глазами. Мужчины и женщины. Старики и студенты. Учителя и рабочие.

Солнце окончательно поднялось над горизонтом. Его лучи пробивались сквозь листву деревьев, падая на лица сидящих людей. Свет играл на их спокойных, расслабленных чертах.

В этой картине была удивительная уязвимость.

Сотни людей сидели в общественном месте с закрытыми глазами. Они не видели, что происходит вокруг. Они были полностью открыты миру. Беззащитны.

Но им не от кого было защищаться.

Они чувствовали себя в абсолютной безопасности. Это был их город. Их парк. Их страна. Мимо по аллеям уже начинали спешить на работу первые прохожие. Звенели велосипедные звонки. Дворники мели дорожки длинными метлами из бамбуковых прутьев. Кто-то выгуливал собаку.

Прохожие смотрели на медитирующих людей с привычным равнодушием или легкой симпатией. Это была часть утреннего пейзажа. Такая же естественная, как

туман над озером или запах жареного теста из уличных лавок. Никому и в голову не могло прийти, что эти тихо сидящие люди могут представлять для кого-то угрозу.

Они не выдвигали политических требований. Не боролись за власть. Не копили богатства.

Они просто сидели на земле и дышали.

Лао Чэнь чувствовал тепло, разливающееся по телу. Его мысли текли медленно и плавно. Он вспоминал свое детство в деревне. Вспоминал запах свежескошенной травы. Вспоминал руки своей матери. В медитации время теряло свой привычный ритм. Минуты растягивались.

Линь сидела неподвижно. Ее спина была идеально прямой. Она чувствовала, как уходит напряжение из плеч. В голове было пусто и светло. Никаких мыслей о школе. Никаких тревог о будущем. Только настоящий момент. Только утренний воздух, наполняющий легкие.

Мэй сидела чуть поодаль. Ее маленькая дочь, устав повторять движения, просто прикорнула рядом на коврик, положив голову на колени матери. Мэй осторожно, чтобы не нарушить позу, опустила ладонь на волосы девочки.

Прошло полчаса.

Музыка на кассете стихла. Раздался мягкий голос, объявляющий об окончании упражнений.

Люди начали медленно открывать глаза.

Они не спешили вскакивать. Они аккуратно расплетали ноги, потягивались, разминали суставы. Площадь наполнилась тихим гулом голосов.

Лао Чэнь достал из холщовой сумки металлический термос. Отвинтил крышку. Над термосом поднялся пар. Мужчина налил горячую воду в крышку— чашку и протянул Вэю.

— Выпей, студент, — сказал он своим тихим голосом. — Тебе сегодня нужны ясные мысли. Экзамен?

Вэй с благодарностью взял чашку. Вода была обжигающей, но приятной.

— Да, физика твердого тела.

— Твердое тело — это хорошо, — улыбнулся Лао Чэнь. — Но помни, что вода всегда побеждает камень. Потому что она мягкая. Не напрягайся слишком сильно.

Вэй кивнул. В этих простых словах было больше смысла, чем в некоторых университетских лекциях.

Линь подошла к магнитофону, нажала кнопку выброса кассеты и убрала ее в сумку. Она подошла к Мэй, которая помогала дочери надеть курточку.

— Как она сегодня? — спросила Линь, погладив девочку по щеке.

— Устала быстро, — улыбнулась Мэй. — Но сидела тихо. В садике воспитатели говорят, что она стала спокойнее. Меньше капризничает.

— Дети все чувствуют, — кивнула Линь. — Если внутри у матери покой, ребенок тоже успокаивается.

Они постояли еще немного, обсуждая цены на овощи на вечернем рынке и погоду, которая обещала быть жаркой. Обычные разговоры обычных людей.

Постепенно площадь начала пустеть.

Люди сворачивали свои коврики, садились на велосипеды или шли пешком к автобусным остановкам. Утренняя практика закончилась. Начинался обычный рабочий день.

Лао Чэнь пошел в сторону рынка, чтобы купить свежей зелени к завтраку.

Вэй покатыл свой велосипед к воротам парка, мысленно повторяя формулы.

Линь поправила ремешок сумки на плече и направилась в сторону школы. Ей нужно было успеть проверить тетради до первого звонка.

Мэй взяла дочь за руку, и они неспешно пошли по аллее.

Парк возвращался к своей обычной, шумной жизни. На площадку, где только что в абсолютной тишине сидели сотни людей, выбежала стайка подростков с мячом. На скамейках расположились пенсионеры с газетами. Заработал фонтан в центре озера.

Солнце поднялось высоко. Утренний свет потерял свою мягкость и стал ярким, резким, заливая улицы города белым сиянием.

Никто из тех, кто уходил в это утро из парка, не оглядывался назад. Им незачем было оглядываться. Впереди был долгий, спокойный день. Впереди была жизнь, которая казалась понятной и предсказуемой.

Они расходились по своим домам, школам и офисам, унося с собой частицу утренней тишины. Они верили, что завтра утром снова встретятся на этой площади. Что снова зазвучит музыка. Что они снова закроют глаза и почувствуют тепло солнца на своих лицах.

Ветер шевелил листья камфорных деревьев. Вода в озере блестела под лучами солнца. Город жил своей обычной, мирной жизнью, не подозревая о том, как хрупка эта нормальность.

Глава 2

Чужие слова

Лето пришло в город с тяжелой, влажной жарой.

Воздух стоял неподвижно. Листья камфорных деревьев покрылись тонким слоем серой пыли. Казалось, что город замер в ожидании грозы, но небо оставалось белесым и пустым.

Трагедия редко начинается с физического насилия. Сначала меняются слова.

Линь сидела в учительской. Был полдень. Вентилятор под потолком медленно вращал лопастями, гоня горячий воздух. На длинном столе, заваленном классными журналами, лежала свежая газета. Местное издание, которое обычно публиковало новости о сборе урожая, городских стройках и успехах передовиков производства.

Линь взяла газету в руки. На третьей полосе была напечатана статья.

Заголовок был набран крупным, жирным шрифтом. В нем использовались слова, которые Линь никогда раньше не видела рядом с названием своей утренней практики. «Суеверие». «Угроза обществу». «Заблуждение».

Она прочитала текст дважды. Строки прыгали перед глазами. Автор статьи, скрытый за псевдонимом, писал о том, что утренние медитации в парках — это не забота о здоровье, а скрытая форма манипуляции. Что люди, ищущие внутренний покой, на самом деле подвергаются идеологической обработке.

Это казалось нелепой ошибкой. Чьей-то глупой, жестокой шуткой. Линь оглянулась на своих коллег. Учитель математики пил чай из термоса. Преподавательница географии проверяла контурные карты. Обычные люди. Обычный день.

Линь аккуратно сложила газету и отодвинула ее на край стола. Она была уверена, что это недоразумение. Законопослушные граждане, не нарушающие никаких правил, не могут стать мишенью для государства просто так. Соответствующие органы обязательно разберутся. Ошибка будет исправлена.

Но на следующий день вышло две статьи.

Через неделю их были десятки.

Информационный фон начал меняться с пугающей скоростью. Как будто кто-то невидимый повернул ручку громкости на огромном пульте управления. Риторика в средствах массовой информации дошла до абсурдных крайностей. Ссылаясь на анонимные источники, авторы статей единодушно транслировали обвинения в «промывании мозгов».

В обиход вошли новые термины. «Секта». «Культ».

Эти слова не были случайными.

Стигматизация — это навешивание отрицательных ярлыков на отдельного человека или группу людей. Это метод, который прочно входит в жизнь общества, когда нужно создать образ врага. Слово «сектант» стало клеймом позора.

Когда человек слышит слово «секта», он испытывает тревогу. Он чувствует опасность. Ему хочется отстраниться. Этот ярлык воспринимается как готовый вывод, не требующий фактов и доказательств. Он работает в обход осмысления, в обход логического анализа. Ярлык мгновенно аннулирует любые положительные качества человека.

Вчера ты был уважаемым учителем, прилежным студентом или добрым соседом. Сегодня ты угроза.

Двадцать второго июля тысяча девятьсот девяносто девятого года государственные СМИ начали скоординированную кампанию.

В этот день государственное телевидение и официальные информационные агентства передали заявление о запрете. Обычная сетка вещания менялась,

выпуски новостей растягивались, а обвинительные сюжеты повторялись снова и снова.

Линь была дома. Она гладила белье, когда экран телевизора мигнул и сменил картинку. Появился диктор новостей. Его лицо было строгим, голос металлическим, лишенным интонаций.

Начался показ специального репортажа.

Кадры сменяли друг друга. Тревожная музыка. Закадровый голос, чеканящий обвинения. Миллионы людей, которые еще вчера считались частью традиционной культуры, были официально объявлены вне закона. Их назвали деструктивной организацией.

Линь выронила утюг. Он с глухим стуком упал на гладильную доску, начав прожигать ткань, но она этого не замечала. Она смотрела на экран.

Там показывали лица людей. Обычных людей. Но голос за кадром описывал их как злодеев, стремящихся контролировать общество, и одновременно как бездумных рабов, лишенных свободы воли. Непрерывная дегуманизация, откровенная ложь и эмоционально заряженные манипулятивные нарративы сливались в единый поток.

Вечером того же дня Линь вышла на балкон.

Город был погружен в сумерки. В окнах соседних многоэтажек мерцал одинаковый синеватый свет. Казалось, все телевизоры в доме, на улице, в районе, в городе показывали одно и то же. Из открытых окон доносился один и тот же металлический голос диктора. Он эхом отражался от бетонных стен, заполняя дворы.

Слова проникали в каждую квартиру. В каждую семью.

Вэй почувствовал изменения на следующий день, когда пришел в университет.

В просторном холле главного корпуса, где обычно висели расписания лекций и объявления о студенческих вечеринках, появились красные плакаты. Крупные черные иероглифы призывали к бдительности. Они требовали искоренить «ядовитую опухоль» в рядах студентов.

Вэй остановился перед стендом. У него похолодели руки.

Мимо проходили его однокурсники. Те самые ребята, с которыми он еще неделю назад готовился к экзамену по физике твердого тела. Те, кто просил у него конспекты.

Один из них, староста группы, встретился с Вэем взглядом. Староста на секунду замер, а затем быстро опустил глаза и ускорил шаг. Он прошел мимо, даже не кивнув.

Вэй остался стоять один посреди шумного коридора. Вокруг него образовалась невидимая зона отчуждения.

Никто не заметил, когда именно произошла эта перемена. Вчерашние друзья, коллеги, соседи, люди, которые знали их много лет, начали менять свое отношение. Ими двигал не личный опыт общения. Ими двигало навязанное мнение.

Страх заразителен. Он передается быстрее любого вируса.

После лекции Вэя вызвал к себе куратор курса. Пожилой профессор, который всегда хвалил его за успехи в учебе, не предложил студенту сесть. Профессор стоял у окна, глядя на университетский двор.

— Вэй, — начал он тихо, не оборачиваясь. — Ты способный молодой человек. У тебя впереди блестящее будущее. Научная карьера.

— Спасибо, профессор.

— Но времена сейчас сложные. — Профессор наконец повернулся. В его глазах не было злобы. Там была усталость и глубокая, затаенная тревога. — Тебе нужно сделать выбор. Откажись от своих увлечений. Напиши заявление, что ты больше не имеешь к этому отношения. Иначе я не смогу тебя защитить. Никто не сможет.

Вэй молчал. Он смотрел на стопку книг на столе профессора.

— Я не делаю ничего плохого, — тихо ответил студент. — Я просто выполняю упражнения и стараюсь быть хорошим человеком.

— Быть хорошим человеком сейчас недостаточно, — жестко отрезал профессор. — Нужно быть правильным человеком. Иди, Вэй. И подумай.

Манипуляция общественным сознанием работала безотказно, потому что большинство людей не стремились критически анализировать поступающую информацию. Поток новостей был слишком плотным.

Люди начинали верить телевизору больше, чем собственным глазам.

Мэй сидела на скамейке у детской площадки. Ее четырехлетняя дочь лепила куличики из влажного песка.

На площадку пришла еще одна женщина с мальчиком. Мэй знала ее. Они жили в одном подъезде, часто сталкивались у почтовых ящиков и обсуждали цены на детскую обувь.

Мэй приветливо улыбнулась соседке.

Женщина замерла. Ее лицо исказилось. Она не ответила на улыбку. Вместо этого она быстрым шагом подошла к песочнице, схватила своего сына за руку и резко потянула на себя.

— Мама, я хочу играть! — захныкал мальчик.

— Мы уходим, — процедила женщина. Она бросила на Мэй взгляд, полный смеси страха и отвращения. — Не подходи к ним.

Они быстро ушли.

Мэй почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

В последние дни в дискредитирующие материалы по телевидению стали включать личные данные людей. В новостных репортажах показывали домашние адреса, школы, места работы. Фотографии брали крупным планом, словно это были опасные преступники, находящиеся в розыске.

Мэй не боялась за себя. Она могла вынести презрительные взгляды соседей. Она могла стерпеть шепот за спиной в очереди за хлебом.

Но она до одури боялась за дочь.

Опыт истории показывал, что стигматизация — это лишь первый шаг. За ним всегда следует изоляция. А затем вмешательство государства в самую суть человеческой жизни. В любой момент служба опеки могла постучать в их дверь. Оправдание было готово: «защита ребенка от пагубного влияния секты».

Этот страх стал постоянным фоном ее жизни. Он будил ее по ночам. Мэй вставала в темноте, подходила к кровати дочери и долго слушала ее ровное дыхание. Будущее превратилось в пугающую неизвестность. Вчера они были полноправными членами общества. Сегодня они стали изгоями.

Лао Чэнь шел по рынку.

Солнце пекло нещадно, запахи переспелых фруктов и сырого мяса смешивались в тяжелый, удушливый аромат.

Лао Чэнь подошел к прилавку с овощами. За ним стоял грузный мужчина в заляпанном фартуке. Лао Чэнь покупал у него зелень последние десять лет. Они всегда обменивались парой фраз о погоде.

— Доброе утро, — тихо сказал Лао Чэнь. — Дай мне два пучка шпината.

Продавец поднял глаза. Он посмотрел на мужчину, затем быстро огляделся по сторонам. Соседние торговцы прислушивались к разговору.

— Нет шпината, — буркнул продавец, отворачиваясь и начиная яростно перебирать идеальные, зеленые листья на прилавке.

— Но вот же он, прямо перед тобой, — мягко заметил Лао Чэнь.

Продавец оперся тяжелыми руками о деревянный прилавок и наклонился.

— Уходи, — прошипел он. — Не создавай мне проблем. Я видел тебя по телевизору. В том репортаже про парк. Мне проблемы с полицией не нужны. Иди отсюда.

Лао Чэнь посмотрел в глаза продавцу. Он не увидел там ненависти. Он увидел там животный, первобытный страх.

Антикультовая риторика достигла своей главной цели. Она не просто очернила конкретную группу людей. Она заставила всех остальных наблюдать за этой публичной расправой. Видя, как у таких же людей, как они, отнимают право на доброе имя, граждане проникались страхом за свою собственную жизнь. Они становились управляемыми.

Чтобы выжить, нужно было присоединиться к большинству. Нужно было отвернуться. Бросить камень. Или хотя бы промолчать.

Лао Чэнь ничего не ответил продавцу. Он медленно развернулся и пошел прочь сквозь шумные ряды рынка. Люди расступались перед ним, словно он был носителем заразной болезни.

Мужчина помнил другие времена. Он помнил десятилетия потрясений, когда соседи писали доносы на соседей, а дети отрекались от родителей. Он надеялся, что те времена ушли навсегда. Но теперь он видел, что это повторяется.

Ярлык работает как невидимая метка. Как желтая звезда, которую когда—то заставляли носить людей в другой части света, чтобы визуально отделить их от остального населения и обозначить как объекты для уничтожения.

Только здесь не было физических звезд. Метка была встроена в головы смотрящих.

Вечером того же дня Линь сидела в своей пустой квартире.

Она не включала свет. Окно было открыто настежь, но прохлады не было. С улицы доносился гул машин и обрывки чужих разговоров.

На столе лежала стопка непроверенных тетрадей. Линь смотрела на них и понимала, что завтра, когда она войдет в класс, тридцать пар детских глаз будут смотреть на нее иначе. Родители уже посмотрели телевизор. Родители уже сказали им нужные слова.

Слова, которые разрушили их тихий, безопасный мир.

В комнате было темно. Линь закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на дыхании, как делала это каждое утро в парке. Но тишины внутри больше не было.

Вместо нее в голове звучал ровный, металлический голос диктора новостей, повторяющий одни и те же чужие, страшные слова. Механизм был запущен. Общество дало свое молчаливое согласие.

Оставалось только ждать, когда за словами последуют действия.

Глава 3

Шаги на лестнице

Ночь всегда была временем тишины. В традиционной культуре ночь предназначена для покоя, для восстановления сил, для снов.

Но государство использовало ночь иначе.

Аресты, начавшиеся по всей стране в разных городах Китая, проводились преимущественно часто в темное время суток. Это не было случайностью. Это был холодный, выверенный расчет. Ночью человек наиболее уязвим. Он спит. Он расслаблен, одет в домашнюю одежду. Он не готов к сопротивлению.

Кроме того, у ночных операций есть еще одно важное преимущество — отсутствие случайных свидетелей. Днем на улице могут собраться соседи. Днем кто-то может задать вопросы. Днем толпа может проявить сочувствие. Ночью каждый остается один на один. Темнота изолирует. Темнота создает атмосферу абсолютного, парализующего террора.

В ночь на двадцатое июля тысяча девятьсот девяносто девятого года улицы городов были пусты.

Только редкие фонари освещали пустые перекрестки. В этой тишине звук автомобильных моторов казался особенно громким. Темные микроавтобусы без опознавательных знаков разъезжались по разным районам. Они останавливались у типовых многоэтажек, у старых домов в узких переулках, у студенческих общежитий.

Из машин молча выходили люди в форме.

Они не хлопали дверями. Они действовали быстро и слаженно.

Линь проснулась от звука шагов.

Она жила на четвертом этаже. Лифт в их доме часто ломался, и жильцы привыкли к звукам на лестничной клетке. Но эти шаги были другими. Это не было легкое постукивание каблучков соседки сверху. Это не было шарканье старого дворника.

Это был тяжелый, ритмичный, множественный топот. Подкованные ботинки били по бетонным ступеням.

Шаги остановились прямо за ее дверью.

Линь села на кровати. В комнате было темно. Только свет уличного фонаря пробивался сквозь тонкие шторы, рисуя на полу длинные бледные полосы. Сердце Линь начало биться быстрее. Она посмотрела на электронные часы. Три часа пятнадцать минут.

Раздался стук.

Не звонок. Именно стук. Тяжелый, требовательный удар кулаком в металлическую обивку двери. От этого звука, казалось, содрогнулись стены.

— Откройте! Полиция!

Голос был громким, лишенным всяких эмоций.

Линь накинула халат. Ее руки дрожали. Она подошла к двери, чувствуя босыми ногами холодный линолеум. В голове билась одна мысль: это ошибка. Наверное, они ищут кого-то другого. Преступника. Вора. Она школьная учительница. Она проверяет тетради и читает детям стихи. К ней не могут прийти ночью.

Она повернула замок.

Дверь резко распахнулась, отбросив Линь на шаг назад. В узкую прихожую вошли четверо мужчин. Трое в полицейской форме, один в штатском. Они заполнили собой все пространство.

— Линь? — спросил человек в штатском. Он не смотрел ей в глаза. Он смотрел в какую-то бумагу.

— Да. Что случилось? Почему вы здесь?

Ей не ответили. Человек в штатском просто кивнул остальным.

Трое полицейских прошли мимо Линь, грубо отодвинув ее плечом. Они вошли в комнату. Один из них сразу направился к книжному шкафу. Другой подошел к письменному столу. Третий начал открывать ящики комода.

— Что вы делаете? — голос Линь сорвался. Она попыталась шагнуть за ними, но человек в штатском преградил ей путь. — У вас есть ордер? На каком основании вы проводите обыск?

Человек в штатском посмотрел на нее. В его взгляде не было ни злости, ни ненависти. Там была абсолютная, ледяная пустота. Именно этот взгляд пугал больше всего. Для него она уже не была гражданкой. Не была учительницей. Не была человеком, имеющим права.

Один из тех, кто пережил подобные ночные визиты, позже опишет это состояние так: граница между человеком и вещью стирается в ту секунду, когда чужие руки начинают безнаказанно рыться в твоей жизни. Тебя еще не осудили. Тебе еще ничего не предъявили. Но создается впечатление, что ты уже не человек. Ты просто существо, у которого нет никаких прав. Которое не может ничего сказать. Не может за себя постоять. Все начинается с этого унижительного обыска, который сразу же уничтожает человеческое достоинство. Ты никто, и зовут тебя никак.

Полицейский у книжного шкафа начал сбрасывать книги на пол.

Тома классической литературы падали с глухим стуком. Страницы мялись. Затем он нашел то, что искал. Книги с желтыми обложками. Тексты учения Фалунь Дафа. Он бросил их в принесенную с собой картонную коробку.

Другой полицейский нашел на столе кассетный магнитофон. Тот самый, который Линь каждое утро приносила в парк. Он вытащил кассету с музыкой для упражнений, бросил ее в коробку, а затем туда же отправил и сам магнитофон.

Они изымали книги, материалы для медитации, личные дневники, фотографии. Все это происходило почти в полном молчании. Линь не показали ни понятного протокола, ни понятых, ни законного основания, которое она могла бы прочитать и понять. Вещи просто исчезали в бездонной картонной коробке.

Линь стояла у стены. Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Ее мир, ее безопасная, тихая квартира прямо сейчас подвергалась грубому, безжалостному вторжению.

— Одевайтесь, — бросил человек в штатском.

— Куда? — прошептала Линь. — Зачем? Я имею право знать, в чем меня обвиняют.

— Одевайтесь. Быстро.

Ей не объяснили ее права. Ей не предъявили официальных обвинений.

Линь пошла в спальню. Один из полицейских пошел за ней и остался стоять в дверях, наблюдая, как она снимает халат и надевает повседневную одежду. В этом не было сексуального подтекста. В этом была демонстрация абсолютной власти. У нее отняли даже право на стыд.

Через десять минут ее вывели из квартиры.

Она не успела выключить свет на кухне. Не успела закрыть окно. Дверь захлопнулась. На лестничной клетке было тихо. Соседи не вышли. Ни одна дверь не приоткрылась. Люди за дверями не спали. Они слышали шум. Они слышали шаги. Но страх заставил их затаить дыхание и притвориться невидимками.

В это же самое время, на другом конце города, микроавтобус остановился у ворот студенческого городка.

Охранник на проходной даже не попытался спросить документы. Он молча нажал кнопку, открывая металлические ворота.

Вэй спал в своей комнате на третьем этаже общежития. В комнате было душно. Четверо студентов делили небольшое пространство, заставленное двухъярусными кроватями и столами с учебниками.

Дверь открыли универсальным ключом.

Свет фонариков ударил по лицам спящих. Вэй проснулся от того, что чья-то жесткая рука схватила его за плечо и рывком сбросила с кровати. Он упал на колени, больно ударившись о край стола.

— Встать! Лицом к стене! — скомандовал грубый голос.

Соседи Вэя по комнате в ужасе вжались в свои матрасы. Никто не произнес ни слова.

Полицейские начали переворачивать вещи Вэя. Они вытряхнули его рюкзак. Тетради с конспектами по физике разлетелись по полу. Они нашли его дневник. Нашли небольшую книгу с упражнениями.

Вэй стоял лицом к стене. Холодный бетон охлаждал лоб. Он слышал, как рвутся страницы его конспектов. Он слышал тяжелое дыхание людей за своей спиной.

— Руки назад, — приказали ему.

Холодный металл наручников защелкнулся на запястьях. Это был первый раз в жизни Вэя, когда на него надели наручники. Металл больно впился в кожу. В этот момент он перестал быть студентом-отличником, гордостью своих родителей. Он стал арестантом.

Его вывели в коридор.

Двери соседних комнат были приоткрыты. В щели выглядывали испуганные лица студентов. Вчера они вместе обедали в столовой. Вчера они обсуждали предстоящие экзамены. Сегодня они смотрели на Вэя так, словно он был опасным преступником. Никто не заступился. Никто не спросил, куда его уводят.

Самым страшным был арест Мэй.

Она жила с четырехлетней дочерью и своей пожилой матерью. Когда в дверь начали стучать, Мэй сразу поняла, что это за ней. В последние дни она жила в постоянном ожидании этого стука.

Она вскочила с кровати и побежала в коридор.

— Кто там? — спросила она дрожащим голосом.

— Открывай, или выломаем дверь.

Мэй повернула ключ. Полицейские ворвались внутрь. Их было пятеро. Они были шумными, резкими. Их ботинки оставляли грязные следы на чистом полу.

— Тише, пожалуйста, — умоляюще прошептала Мэй, складывая руки на груди.
— Умоляю вас. Там спит ребенок. Пожалуйста, не разбудите ее.

Они даже не посмотрели на нее.

Двое сразу прошли в детскую. Мэй бросилась за ними.

В маленькой комнате горел ночник. Девочка спала, обняв плюшевого медведя. Полицейский подошел к шкафу с детскими вещами и начал выкидывать на пол маленькие платья, колготки, футболки. Он искал скрытые материалы. Он наступал тяжелыми ботинками на разбросанные игрушки. Пластиковый кубик хрустнул под его подошвой.

От этого звука девочка проснулась.

Она села на кровати, протирая глаза кулачками. Увидев чужих, огромных мужчин в темной одежде, она замерла. А потом начала кричать. Это был пронзительный, полный ужаса детский крик.

— Мама! Мамочка!

Мэй рванулась к дочери, но сильные руки перехватили ее поперек туловища.

— Стоять на месте, — рявкнул офицер.

— Пустите меня к ней! Она боится! — Мэй плакала, пытаясь вырваться. — Пожалуйста! Я ничего не сделала! Дайте мне ее обнять!

В комнату вбежала пожилая мать Мэй. Старушка дрожала всем телом. Она бросилась к кроватке и обхватила плачущую внучку.

— За что вы ее забираете? — плакала старушка, глядя на полицейских. — Она хорошая мать! Она честный человек!

Обыск продолжался полчаса. Они перевернули всю квартиру. Они забрали все книги, все кассеты, все записи. Они забрали даже блокнот, в котором Мэй вела учет семейных расходов, потому что на обложке был нарисован цветок лотоса.

Когда Мэй уводили, ей не дали попрощаться с дочерью.

Ее просто вытолкали за дверь. Последнее, что она слышала, пока спускалась по лестнице это непрекращающийся, надрывный плач своего ребенка. Этот звук

навсегда останется в ее памяти. Он будет звучать в ее голове в холодных камерах. Он будет сводить ее с ума в долгие ночи.

Лао Чэнь не спал, когда за ним пришли.

Он сидел на кухне и пил горячую воду. Он слышал, как машина подъехала к подъезду. Он слышал, как хлопнули дверцы. Он знал, что это за ним.

Он спокойно допил воду. Вымыл чашку. Поставил ее на сушилку.

Когда раздался стук, он медленно подошел к двери и открыл ее.

Полицейские, ожидавшие увидеть испуганного, заспанного человека, на секунду растерялись. Перед ними стоял мужчина в чистой, выглаженной одежде. Он смотрел на них спокойно и ясно.

— Вы ко мне, молодые люди? — тихо спросил Лао Чэнь.

— Чэнь Гохуа? — грубо спросил старший группы, быстро приходя в себя.

— Да. Это я.

Они вошли. Обыск в квартире не занял много времени. У него почти ничего не было. Старая мебель. Простая посуда. Они забрали его коврик для медитаций и единственную книгу.

— Собирайся, — сказал полицейский.

— Куда мы едем? — спросил Лао Чэнь, надевая легкую куртку.

— Там узнаешь.

— Я могу взять с собой лекарства?

— Там тебе дадут все, что нужно. Пошли.

Ему не разрешили взять таблетки. Ему не разрешили взять теплую кофту. Его вывели на улицу и посадили в темный салон микроавтобуса.

К утру операция была завершена.

Тысячи людей по всему городу были извлечены из своих постелей, оторваны от семей и увезены в неизвестном направлении.

Когда солнце взошло, город выглядел так же, как и вчера. Дворники мели улицы. Открывались лавки с паровыми булочками. Люди спешили на работу.

Но для многих семей этот рассвет стал началом бесконечного кошмара.

Утром матери, жены, мужа и дети пошли в полицейские участки. Они стояли у дежурных окошек, сжимая в руках паспорта. Их глаза были красными от слез и бессонницы.

Мать Мэй пришла в районное отделение, держа за руку заплаканную внучку.

— Мою дочь забрали ночью, — сказала старушка дежурному офицеру за толстым стеклом. — Ее зовут Мэй. Где она? За что ее забрали?

Офицер равнодушно посмотрел на нее. Он перелистал какой-то журнал.

— У нас такой нет.

— Но как же? Люди в форме пришли ночью... Они увезли ее...

— Я сказал, у нас такой нет. Следующий!

Семьи оставались в полном неведении. Никто не давал им ответов. Никто не говорил, где находятся их близкие. Никто не объяснял, по какой статье они задержаны.

Люди просто исчезли.

Государство создало информационный вакуум. Это была еще одна форма пытки — пытка неизвестностью. Родственники обзванивали больницы, морги, изоляторы. Везде они натыкались на глухую стену молчания.

В пустых квартирах остались разбросанные вещи. Вырванные страницы книг на полу. Растоптанные игрушки. Недопитый чай в чашке на столе.

В комнате Линь на полу лежал белый лист бумаги. Это было стихотворение эпохи Тан, которое она готовила для урока. На листе остался грязный след от полицейского ботинка.

Часы на стене продолжали мерно тикать. Секундная стрелка двигалась по кругу, отсчитывая время в пустой комнате. Время, которое больше никогда не будет прежним. Нормальная жизнь закончилась. Впереди была только темнота, поглотившая их без остатка.

Никто из тех, кого увезли в ту ночь, не знал, что их ждет. Они думали, что это недоразумение. Они верили, что следователи разберутся, и через несколько дней их отпустят домой. Они не могли представить, что для многих из них этот путь в один конец.

Что где-то в высоких кабинетах уже составлены списки. Что где-то уже готовятся холодные камеры. И что их тела, их здоровье, их жизни больше им не принадлежат.

Тишина в пустых квартирах была оглушительной. Она звенела в ушах тех, кто остался. Она была наполнена невысказанными вопросами, на которые никто не собирался отвечать.

Где они?

Что с ними делают?

Вернутся ли они когда-нибудь домой?

Ответом был лишь ровный, равнодушный шум просыпающегося города за окном. Города, который предпочел ничего не заметить.

Глава 4

Бетон и холод

Двери микроавтобуса открылись с резким металлическим лязгом.

Внутри ворвался сырой ночной воздух, смешанный с запахом выхлопных газов и дешевого табака. Собачий лай разорвал тишину. Он звучал гулко, отражаясь от высоких бетонных стен, окружавших внутренний двор места временного содержания.

Людей начали выводить по одному.

Линь спустилась на асфальт. Ее ослепил свет мощных прожекторов, установленных на вышках. Она инстинктивно подняла руку, чтобы закрыть глаза, но кто-то грубо толкнул ее в спину.

— Вперед. Голову вниз. Руки за спину.

Она подчинилась. Зрение постепенно привыкало к резкому свету. Перед ней тянулась серая бетонная стена и тяжелая металлическая дверь. За этой дверью заканчивался мир, который она знала. Мир, где она была учительницей литературы, где у нее было имя, профессия, уважение учеников и соседей.

Переход из одного состояния в другое происходит быстро.

Как только человек пересекает порог такого учреждения, создается впечатление, что он перестает быть человеком. Он становится объектом. Вещью, полностью подконтрольной чужой воле. У него больше нет прав. Он не может ничего сказать. Не может за себя постоять.

Первый этап этого превращения — обыск.

Линь завели в небольшую комнату, выложенную белым кафелем. В воздухе стоял густой, едкий запах хлорки. Две женщины в форме стояли у стены. Их лица ничего не выражали. Это была рутина.

— Раздевайся, — скомандовала одна из них.

Линь замерла.

— Быстро. Дочиста.

Ей пришлось снять всю одежду. Она стояла босиком на ледяном кафельном полу, обхватив себя руками. Но этого было недостаточно. Обыск был намеренно унижительным. Ей приказали присесть. Приказали открыть рот, приподнять язык, оттянуть щеки. Чужие руки в резиновых перчатках грубо ощупывали ее волосы, проверяли каждый изгиб тела.

В этот момент ломается что-то очень важное внутри. Человеческое достоинство стирается в порошок. Ты стоишь голый под ярким светом лампы, а на тебя смотрят не как на живое существо, а как на контейнер, в котором может быть что-то спрятано.

Ее одежду забрали. Взамен бросили на скамейку серую робу. Ткань была жесткой, пахла сыростью.

На груди куртки был пришит белый квадрат ткани. На нем черной краской были выведены цифры.

— Твое имя здесь больше никого не интересует, — сказала надзирательница, заполняя журнал. — Запомни свой номер. Откликаться только на него.

Лао Чэня повели по длинному коридору, уходящему куда-то вниз.

С каждым шагом становилось холоднее. Воздух здесь был спертый, тяжелым. Мужчина опирался на стену. Его шаги были медленными. Конвоир сзади нетерпеливо цокал языком, но не бил. Пока не бил.

Лязгнул засов. Тяжелая дверь открылась.

Лао Чэня втокнули внутрь. Дверь за его спиной захлопнулась с глухим, окончательным звуком.

Сначала мужчина подумал, что это ошибка. Камера была крошечной. Полтора на три метра. Полуподвальное помещение. В углу железная койка, прикрученная к полу. Рядом открытый унитаз и ржавая раковина.

Под потолком горела тусклая лампа. Она была забрана металлической сеткой. В углу мигал красный огонек видеокамеры.

Лао Чэнь сел на край койки. Матраса не было. Только голые металлические полосы.

Он посмотрел на стену. Она блестела. Лао Чэнь протянул руку и коснулся бетона. Стена была мокрой. По ней медленно стекали капли воды. В углах чернела густая, бархатистая плесень.

В камере было окно. Узкая щель под самым потолком. Но в нем не было стекла.

Только две толстые решетки, одна внутри, другая снаружи. На улице стояла глубокая ночь. Холодный, пронизывающий ветер беспрепятственно задувал в камеру.

Лао Чэнь обхватил себя руками. На нем была только тонкая тюремная рубашка. Вместо одеяла на койке лежал кусок грубой мешковины. Она просвечивалась насквозь и пахла гнилью.

Мужчина попытался укрыться ею, свернувшись калачиком на жестких железных полосах. Это был сырой, пробирающий до внутренностей могильный холод.

Свет не выключали. Камера наблюдения бесстрастно фиксировала каждое его движение.

В эту ночь Лао Чэнь не сомкнул глаз. Как только он начинал проваливаться в забытие, холод будил его резкой болью в суставах.

Утром, когда в коридоре загремели ключи, Лао Чэнь с трудом смог подняться.

Открылась небольшая кормушка в двери.

— Эй, — хрипло позвал Лао Чэнь. — Дайте чем-нибудь закрыть окно. Пожалуйста.

В квадратном отверстии появились глаза охранника. Они посмотрели на мужчину абсолютно равнодушно.

— Не положено, — коротко ответил голос.

Кормушка с лязгом захлопнулась.

Взя поместили в другой блок.

Его не стали сажать в одиночную камеру. Практикующих Фалунь Дафа могли держать по-разному: кого-то изолировали, кого-то, наоборот, помещали вместе с уголовными заключенными, используя страх, давление и чужую жестокость как часть наказания. Взя в эту ночь отправили в общий блок, где уже находились такие же задержанные, как он.

Камера Взя находилась на солнечной стороне здания.

Когда его втолкнули внутрь, он едва не задохнулся. Камера была размером три на шесть метров. В ней уже находилось пять человек. Вэй стал шестым.

Здесь не было холода. Здесь была удушающая, невыносимая жара.

Маленькое пластиковое окно под потолком почти не открывалось, мешала массивная решетка. Воздух стоял неподвижно. Он был густым, влажным и горячим.

Камера находилась прямо напротив тюремного душа. Вентиляция была устроена так, что весь горячий пар из душевых затягивало прямо к ним. Стены здесь тоже были сырыми, но не от грунтовых вод, а от постоянного конденсата. Вода капала с потолка.

Люди в камере сидели на полу в одном нижнем белье. Они тяжело дышали. Их тела блестели от пота. Кто-то обмахивался куском картона, оторванным от коробки.

Вэй прислонился к горячей стене. Ему не хватало кислорода. Сердце билось часто и тяжело, пытаясь прокачать густую кровь.

Студент-физик, который еще недавно решал сложные уравнения и мечтал о научной карьере, теперь думал только об одном как сделать следующий вдох.

— Садись, студент, — тихо сказал один из заключенных, мужчина средних лет с изможденным лицом. Он подвинулся, освобождая немного места на грязном бетонном полу. — Экономь силы. Дыши поверхностно.

— Почему здесь так жарко? — прошептал Вэй, вытирая пот со лба.

— Здесь всегда так, — ответил мужчина. — Иногда кажется, что нас держат не в камере, а в бане. Чтобы быстрее согласились подписать бумаги.

На третий день пребывания в камере Линь вывели на допрос.

Ее вели по длинным коридорам. Она шла, опустив голову, заложив руки за спину. Если она поднимала взгляд, конвоир бил ее по затылку свернутой в трубку газетой. Удар был не сильным, но унижительным.

Кабинет следователя разительно отличался от камеры. Здесь было чисто. На окне висели жалюзи. Работал кондиционер, наполняя комнату приятной прохладой. На столе стояла чашка с недопитым чаем. Пахло хорошим табаком.

За столом сидел мужчина в штатском. Он указал Линь на табурет, прикрученный к полу посреди комнаты.

— Садитесь, номер 402.

Линь села. Ее спина была прямой. Несмотря на грязную робу, спутанные волосы и синяки под глазами от бессонницы, она старалась сохранить достоинство.

Следователь открыл папку.

— Вы образованная женщина, — начал он спокойным, почти дружелюбным тоном. — Учительница. У вас хорошая репутация в школе. Зачем вам все это нужно?

Линь молчала.

— Государство заботится о вас. Оно хочет вернуть вас к нормальной жизни. Все, что от вас требуется это небольшая формальность.

Он достал из папки стандартный печатный бланк и положил его на край стола. Рядом положил шариковую ручку.

— Это заявление об отказе от практики Фалунь Дафа. Вы подписываете его. Вы признаете, что заблуждались. Вы обещаете больше никогда не выполнять эти упражнения и не общаться с другими практикующими. И сегодня вечером вы идете домой. К своим ученикам. К своим книгам.

Линь посмотрела на белый лист бумаги.

Всего одна подпись. Несколько движений ручкой. И этот кошмар закончится. Она сможет принять горячий душ. Сможет выпить нормального чая. Сможет спать на мягкой постели, а не на бетонном полу.

Но она знала цену этой подписи.

Это был не просто отказ от утренней гимнастики. Это было требование предать свои внутренние принципы. Предать Истину, Доброту и Терпение. Признать черное белым. Согласиться с ложью, которую транслировали по телевизору.

Если она подпишет это, она выйдет на свободу. Но она выйдет туда сломанным человеком. Человеком, который позволил страху победить совесть.

— Я не нарушала закон, — тихо, но твердо сказала Линь. — Мне не от чего отказываться.

Лицо следователя мгновенно изменилось. Дружелюбие исчезло, словно маска, сброшенная на пол. Глаза стали холодными и жесткими.

— Вы не понимаете, где находитесь, номер 402. Вы думаете, что можете играть с нами в благородство?

Он нажал кнопку на селекторе.

— Уведите ее. В карцер. И включите воспитательную программу.

Линь бросили в одиночную камеру.

Как только дверь закрылась, из вентиляционной решетки под потолком раздался треск. А затем ударила музыка.

Это была не просто громкая музыка. Это был оглушительный, искаженный шум. Хриплый динамик разрывался от патриотических маршей и записей пропагандистских радиопередач. Звук многократно отражался от голых бетонных стен, создавая невыносимую какофонию.

Звук бил по барабанным перепонкам. Он проникал в мозг. От него невозможно было спрятаться. Линь зажала уши руками, но вибрация передавалась через кости черепа.

Музыка играла много часов подряд.

Она не прекращалась ни на минуту. В этой звуковой пытке человек теряет способность мыслить. Он не слышит собственных мыслей. У него начинаются

панические атаки. Стены камеры кажутся сдвигающимися. Возникает ощущение, что сердце заковано в тиски.

Линь забилась в угол, свернувшись в комок. Она пыталась мысленно повторять стихи эпохи Тан, чтобы сохранить рассудок, но слова рассыпались под тяжестью грохочущего из динамика шума.

Позже бывшие заключенные будут рассказывать о специальных комнатах для тех, кто отказывался подписывать бумаги. Эти рассказы различались в деталях, но в них повторялся один и тот же механизм: изоляция, унижение, боль, удушье, ледяная вода, электрические дубинки и требование немедленно признать свою «ошибку».

В одном из таких рассказов фигурировала дальняя комната в конце коридора — узкое помещение, похожее на бывшую душевую или туалет. Туда отводили тех, кто отказывался отречься от практики.

Человека могли заставлять стоять или стоять на коленях в болезненной позе, часами держать руки поднятыми, бить за малейшее движение. В некоторых свидетельствах описывались попытки удушения: на голову надевали пакет или ткань, перекрывая доступ воздуха.

Когда задержанный начинал терять сознание, его могли приводить в чувство водой, ударами или электрическими разрядами. Насилие не было вспышкой ярости. Оно работало как метод: довести человека до предела, а затем предложить единственный выход — подпись.

В такие минуты вопрос всегда был один: подпишешь ли ты отказ, скажешь ли следователю то, что от тебя требуют.

Если человек сдавался, его могли сразу вести обратно в чистый кабинет, где на столе уже лежал готовый бланк и ручка.

Мэй сидела на полу своей камеры.

Она обхватила колени руками и смотрела в одну точку на серой стене.

Самым тяжелым испытанием для нее были не бытовые условия. Не скудная еда, состоящая из водянистого супа и куска черствого хлеба. Не грубость надзирателей.

Самым страшным была полная, абсолютная изоляция от внешнего мира.

С момента ареста она не получила ни одного известия из дома. Ей не разрешали свидания. Ей не передавали письма. Ей не давали книг или газет. Время здесь остановилось. Оно превратилось в бесконечную, серую массу, измеряемую только сменой караула и лязгом замков.

Мэй закрывала глаза и пыталась представить лицо своей четырехлетней дочери.

Но память играла с ней злую шутку. Вместо улыбающегося лица девочки она видела только искаженную от ужаса гримасу в ту ночь, когда в квартиру ворвались полицейские. В ушах Мэй постоянно, днем и ночью, звучал этот пронзительный детский крик: «Мамочка!».

Этот крик был громче лязга дверей. Громче криков охранников.

Где она сейчас? Кто заплетает ей волосы по утрам? Плачет ли она по ночам?

Неизвестность сводила с ума. Следователь на допросе намекнул Мэй, что если она не подпишет отказ, ее мать могут признать неспособной заботиться о ребенке, и девочку отправят в государственный приют.

Это был удар в самое уязвимое место.

Мэй прикусила губу до крови, чтобы не закричать. Она знала, что в коридоре всегда кто-то слушает. Проявление слабости здесь было равносильно поражению.

В камере было тихо. Только где-то далеко, на верхних этажах, монотонно гудела вентиляция.

Внезапно в коридоре раздались тяжелые шаги. Они приближались.

Мэй напряглась. Шаги остановились у соседней двери. Лязгнул засов.

— Номер 318. На выход. С вещами.

Голос охранника был сухим и деловым.

Мэй услышала, как в соседней камере кто-то тяжело поднялся. Зашуршала одежда. Дверь открылась, затем снова с грохотом захлопнулась. Шаги начали удаляться по коридору.

Мэй знала женщину из соседней камеры. Это была женщина, бывший бухгалтер. Она кашляла по ночам сухим, надрывным кашлем.

Куда ее повели? На очередной допрос? В карцер? Или, может быть, она сломалась, подписала бумаги и теперь идет домой?

Шаги стихли вдали. В блоке снова воцарилась тяжелая, бетонная тишина.

Мэй посмотрела на свои руки. Кожа на них стала сухой и серой от недостатка солнца и витаминов. Она медленно сложила ладони вместе, закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание.

Вдох. Выдох.

Она должна сохранить свой разум. Она должна выжить, чтобы снова увидеть свою дочь.

Но в глубине души, под слоем надежды, уже начало зарождаться холодное, липкое предчувствие. Предчувствие того, что этот бетонный лабиринт скрывает в себе тайны гораздо более страшные, чем просто побои и принуждение к отказу от веры.

Где-то в глубине здания снова лязгнула железная дверь. Звук эхом прокатился по трубам отопления и затих в сырых углах камеры.

Глава 5

Человек в форме

Металлический шкафчик захлопнулся с глухим, привычным звуком.

Охранник Лю повернул ключ, повесил его на кольцо к остальным и поправил воротник форменной рубашки. За окном занимался серый рассвет. Начиналась утренняя смена.

Лю было двадцать шесть лет. Он вырос в небольшой деревне на юге провинции, был средним сыном в семье фермеров. Он любил свою жену, исправно посылал деньги стареющим родителям и мечтал купить подержанный автомобиль. В свободное время он смотрел комедийные шоу по телевизору и играл с трехлетним сыном.

Он не был садистом. Он не был монстром.

Но через десять минут Лю выйдет в коридор третьего блока, откроет тяжелую дверь камеры и начнет методично, без единой эмоции на лице, избивать человека, который годится ему в отцы.

Как обычный человек превращается в палача?

Этот вопрос задавали себе многие поколения людей, переживших катастрофы двадцатого века. Ответ всегда скрывается не в личной жестокости отдельных людей, а в холодной, расчетливой работе власти, которая умеет перестраивать человеческое сознание.

Прежде чем охранников допустили к работе с новой категорией заключенных, они прошли специальную подготовку.

После начала кампании против Фалуныгун летом тысяча девятьсот девяносто девятого года в учреждениях, куда попадали задержанные практикующие, усилили политические инструктажи и идеологическую подготовку персонала. Занятия проходили в душных актовых залах. Лекторы, приглашенные от вышестоящих ведомств, говорили ровными, уверенными голосами. Они использовали новые, незнакомые слова.

Они объясняли, что люди, которых скоро привезут в камеры, это не обычные преступники. Это не воры, не убийцы и не мошенники.

Это «опасные элементы».

Лекторы раздавали тонкие брошюры в серых обложках. Внутри содержались выдержки из официальных материалов и пропагандистских текстов о борьбе с так называемыми «еретическими организациями». Тексты были написаны сухим, канцелярским языком, но их суть сводилась к одному: перед вами не люди. Перед вами угроза государственной безопасности.

В этих методичках подробно описывалось, как следует воспринимать арестованных. Утверждалось, что их сознание полностью контролируется извне. Что их спокойствие это лишь маска, скрывающая фанатизм. Что они способны на любые, самые непредсказуемые действия.

Охранникам внушали страх.

Их убеждали, что любое проявление мягкости, любая попытка заговорить с заключенным по-человечески это слабость, которой враг немедленно воспользуется.

Когда человек в форме смотрит на арестанта и видит в нем не отца, не учителя, не соседа, а абстрактную «угрозу», моральный барьер падает.

Лю сидел на этих лекциях и тщательно конспектировал слова инструктора. Он верил тому, что слышал. У него не было причин сомневаться в словах людей, наделенных государственной властью. Если по телевизору говорят, что эти люди опасны, значит, так оно и есть. Если начальство приказывает быть жестким, значит, этого требует долг.

Государство взяло на себя всю моральную ответственность.

Оно сказала своим служащим: «Вам не нужно думать о совести. Мы уже подумали за вас. Ваша совесть — это приказ».

Для закрепления этого эффекта в лагерях была создана система искусственной дистанции.

Вместо открыто опубликованных правил здесь действовала смесь внутренних инструкций, устных приказов и лагерной привычки. Персоналу внушали: не вступать в лишние разговоры, не видеть в задержанных отдельных людей, обращаться к ним сухо, по делу, через номера, команды и бланки. Любая попытка заключенного говорить о себе, о семье или о вере воспринималась как нарушение режима и как угроза дисциплине.

Эти правила были введены не просто ради дисциплины. Они были необходимы для того, чтобы защитить самих охранников от эмпатии.

Человеческое общение разрушительно. Если охранник узнает, что у заключенного болит сердце, что он скучает по дочери, что он любит те же стихи или ту же еду, в нем может проснуться сочувствие. Сочувствие ведет к сомнению. Сомнение ведет к саботажу приказов.

Поэтому между серыми робами и синей формой была возведена невидимая, но абсолютно непроницаемая стена.

Линь почувствовала эту стену в первый же день своего пребывания в блоке.

Она сидела на полу камеры, когда в двери открылась кормушка. Молодой охранник, совсем еще мальчишка с едва пробивающимся пушком над верхней губой, поставил на металлический край алюминиевую миску с жидкой кашей.

Линь подняла глаза.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Охранник вздрогнул. Он посмотрел на нее так, словно она замахнулась на него ножом. В его глазах мелькнул неподдельный, животный испуг. Он резко захлопнул металлическую дверцу, едва не прищемив Линь пальцы.

Он боялся ее.

Пропаганда сработала безупречно. Этот молодой парень, вооруженный дубинкой, защищенный стальными дверями и поддержкой государства, до одури боялся истощенной женщины, сидящей на бетонном полу. Ему внушили, что ее слова могут отравить его разум. Что ее взгляд таит в себе скрытую опасность.

Чтобы преодолеть этот подсознательный страх, охранники прибегали к агрессии. Жестокость стала их защитной реакцией. Они били, чтобы доказать самим себе свою власть. Они кричали, чтобы заглушить тишину, исходящую от заключенных.

Но идеологической обработки было недостаточно.

Энтузиазм быстро угасает в условиях тяжелой, монотонной работы в сырых подвалах. Поэтому к идеологии добавили экономику.

В ноябре руководство провинциального управления исполнения наказаний внедрило систему квот и поощрений.

Главной целью содержания практикующих Фалунь Дафа в изоляторах было получение от них письменного отказа от своих убеждений. Этот процесс на канцелярском языке назывался «трансформацией».

На каждый блок спускали ожидание результата — высокий процент «трансформированных». Точная цифра могла меняться от места к месту, но сама логика оставалась прежней: вера человека превращалась в показатель отчетности.

Если блок достигал этого показателя, весь персонал мог рассчитывать на поощрение или благосклонность начальства. Если показатель падал ниже, начальника блока ждали объяснения, выговоры и новые требования «усилить работу».

В такой системе каждый подписанный отказ становился не человеческой трагедией, а удобной строкой в отчете.

В комнате отдыха охраны, рядом с графиком дежурств, повесили большую маркерную доску. На ней красным фломастером выводили цифры. Это была бухгалтерия сломанных душ.

Капитан Сунь, начальник четвертого блока, был человеком прагматичным. У него была больная мать, которой требовались дорогие лекарства, и двое детей школьного возраста. Базового оклада едва хватало на еду и оплату счетов за электричество.

Когда ввели систему премий, капитан Сунь собрал своих подчиненных.

Он не говорил о политике. Он не говорил об угрозе государству. Он говорил о деньгах.

«Если к концу месяца мы не дадим норму, никто из вас не купит мясо на праздник весны», — сказал он, стоя перед строем охранников. «Мне плевать, как вы это сделаете. Мне нужны подписи на бланках».

Так включился механизм круговой поруки.

Охранники начали давить друг на друга. Если в смене кто-то проявлял мягкость и не дожимал заключенного, его коллеги теряли деньги. Жалость стала экономически невыгодной. Жестокость стала способом прокормить семью.

В конце декабря капитан Сунь был признан «Передовым работником месяца».

На торжественном собрании в главном управлении ему вручили красную грамоту с золотым тиснением и премию, оформленную как награду за дисциплину и «эффективную работу». Его блок показал стопроцентный результат по «трансформации».

Никто на собрании не спрашивал, какими методами был достигнут этот результат. Никто не вспоминал о людях, которых уносили из допросных комнат на носилках. Никто не говорил о тех, кто лишился рассудка от многодневного лишения сна.

Капитан Сунь стоял на сцене, улыбался и жал руку начальнику управления. Вечером он пошел в аптеку и купил матери импортные лекарства. Он чувствовал себя хорошим сыном. Он честно заработал эти деньги.

«Они приходили на смену, как на завод», — вспоминал позже один из бывших заключенных, которому удалось выжить. «Они пили чай из термосов, обсуждали футбольные матчи, жаловались на цены на бензин. А потом вставляли, брали дубинки и шли в камеры. Они били нас методично, без злобы, просто глядя на часы. Им нужно было успеть заполнить бумаги до конца смены. Самым страшным было то, что в их глазах не было ненависти. Там была только усталость и желание поскорее закончить работу. Мы были для них не людьми.

Мы были для них сырьем, из которого нужно было выбить нужный процент брака».

Эта рутинизация насилия делала происходящее еще более сюрреалистичным.

Из приоткрытой двери дежурки доносились звуки радиопередач. Охранники смеялись над шутками ведущего.

А за бетонными стенами, в нескольких метрах от них, люди задыхались в переполненных камерах, теряли сознание от боли и пытались сохранить остатки человеческого достоинства.

Два мира существовали параллельно, разделенные лишь толщиной стальной двери и пропастью навязанной идеологии.

Охранник Лю закончил обход третьего блока.

Он проверил замки, заглянул в глазки камер. Все было тихо. Норма на сегодня была выполнена. Двое заключенных после многочасового стояния лицом к стене согласились поставить свои подписи на бланках. Лю аккуратно сложил листы в папку и отнес на стол дежурному офицеру.

Смена подошла к концу.

Лю вернулся в раздевалку. Он снял форменную рубашку, аккуратно повесил ее на плечики. Снял тяжелые ботинки. Надел мягкие гражданские туфли и легкую куртку.

Он подошел к раковине в углу раздевалки. Включил воду. Взял кусок дешевого хозяйственного мыла и начал тщательно мыть руки. Он тер ладони, смывая запах тюрьмы. Вода с шумом утекала в ржавый сток.

Вытерев руки жестким полотенцем, Лю посмотрел на себя в мутное зеркало над раковиной. Обычное лицо. Немного уставшие глаза.

Он вышел из здания изолятора через заднюю проходную.

На улице было свежо. Город жил своей вечерней жизнью. Зажигались неоновые вывески магазинов. По дороге сплошным потоком ехали велосипедисты.

Лю глубоко вдохнул прохладный воздух. Он вспомнил, что жена просила купить к ужину жареных каштанов. Он свернул на соседнюю улицу, где обычно стоял старик с тележкой.

Купив бумажный кулек горячих, пахнущих дымом каштанов, Лю неспешно пошел к автобусной остановке. Он думал о том, что завтра у него выходной, и можно будет сводить сына в парк аттракционов.

Он не думал о людях, оставшихся в бетонных подвалах. Для него они остались там, за стальной дверью, в другом измерении, где не действовали законы человечности.

Автобус подошел по расписанию. Лю зашел в салон, оплатил проезд и сел у окна, глядя на мелькающие огни вечернего города.

Глава 6

Странная забота

К концу первого месяца зимы физическая реальность изолятора стала единственным миром, который знали заключенные.

Холод проникал в камеры сквозь щели в оконных решетках, оседал инеем на бетонных стенах и въедался в суставы. Еда состояла из водянистой похлебки, в которой плавали редкие листья увядшей капусты, и куска жесткого, непрочного хлеба. Люди теряли вес с пугающей скоростью. Их лица приобрели землистый, серый оттенок. Кожа стала сухой и тонкой, как пергамент.

Тут не было места заботе.

Если человек заболел, это считалось его личной проблемой. Охранники игнорировали кашель, который раздавался из камер по ночам. Они не обращали внимания на гноящиеся раны от тугих наручников. Они переступали через тех, кто падал в обморок от истощения во время многочасовых допросов. Жизнь заключенного здесь не стоила ничего. Она была лишь ресурсом, который нужно было сломать, чтобы получить заветную подпись на бланке отказа от убеждений.

Именно поэтому то, что произошло во вторник утром, вызвало у всех чувство глубокого, парализующего диссонанса.

Лязгнул тяжелый засов. Дверь камеры, где находилась Линь, резко открылась. На пороге стоял дежурный офицер с планшетом в руках. За его спиной переминались с ноги на ногу двое конвоиров.

— Номера 402, 415, 428. На выход.

Линь медленно поднялась с ледяного пола. Ее ноги онемели, спина ныла от постоянного сидения в одной позе. Она поправила жесткую ткань тюремной робы и шагнула в коридор. Рядом с ней выстроились еще несколько женщин. Все они были истощены. У многих под глазами залегли глубокие темные тени.

Они ждали привычной команды идти в допросную комнату. Ждали криков. Ждали ударов свернутой газетой по затылку.

Но офицер посмотрел на них странным, оценивающим взглядом.

— Построиться в колонну по одному, — скомандовал он ровным голосом. — Руки за спину. Идем в медицинский блок.

Слово «медицинский» прозвучало в этих бетонных стенах как нечто инородное. Как слово из забытого, прошлого мира.

Их повели по длинным, запутанным коридорам. С каждым поворотом воздух становился другим. Исчезал запах сырости, немытых тел и гниющей капусты. Появился резкий, чистый аромат хлора, медицинского спирта и стерильной ваты. Лампы под потолком светили ярче. Бетонный пол сменился гладким линолеумом.

Колонна остановилась перед двустворчатыми белыми дверями.

Линь смотрела на эти двери, и внутри нее росло необъяснимое чувство тревоги. Система, которая методично уничтожала их достоинство, которая лишала их сна и тепла, внезапно решила озаботиться их здоровьем. В этом не было логики. В этом крылась какая-то скрытая, холодная угроза.

Двери открылись. Их завели в просторный, залитый белым светом холл.

Здесь было тепло. Работали радиаторы отопления. Вдоль стен стояли ряды стульев. За стеклянной перегородкой сидели люди в белых халатах. Это были настоящие врачи. С фонендоскопами на шеях, с аккуратными медицинскими картами в руках.

— Садитесь и ждите, когда назовут ваш номер, — приказал конвоир.

Он не кричал. Он даже не толкнул никого из них. В присутствии людей в белых халатах охранники вели себя иначе. Они словно старались не повредить товар перед осмотром.

Линь опустилась на стул. В другом конце холла она заметила мужскую группу. Среди них был Вэй. Студент сильно похудел, его скулы заострились, а тюремная куртка висела на нем, как на вешалке. Чуть поодаль сидел Лао Чэнь. Мужчина тяжело дышал, прикрыв глаза.

Никто не разговаривал. Тишина в медицинском блоке была тяжелой, густой. Она прерывалась только сухим шелестом перелистываемых страниц и короткими командами врачей.

— Номер 312. В кабинет номер два.

Вэй поднял голову. Это был его номер.

Он встал и медленно пошел к указанной двери. Вошел внутрь. Кабинет был ослепительно белым. Посреди комнаты стояло специальное кресло с широким подлокотником. Рядом металлический столик на колесиках, уставленный штативами с пустыми стеклянными пробирками.

За столом сидела медсестра. На ней была маска, скрывающая половину лица. Видны были только глаза равнодушные, уставшие глаза человека, выполняющего рутинную работу.

— Садись. Закатай рукав, — сказала она, не глядя на Вэя.

Студент сел. Он попытался закатать жесткий рукав рубашки, но пальцы слушались плохо. Медсестра раздраженно цокнула языком, подошла и сама с силой потянула ткань вверх, обнажив его худую, бледную руку.

Она туго затянула резиновый жгут выше локтя. Похлопала по сгибу руки, заставляя вену проступить сквозь тонкую кожу.

Вэй смотрел на ее действия с легким недоумением. У него часто болела голова от духоты в камере. У него ныли почки. Но никто не спрашивал его о жалобах. Никто не интересовался его самочувствием.

Медсестра взяла шприц с толстой иглой. Протерла кожу спиртовой салфеткой. Холодный запах спирта ударил в нос.

Игла вошла в вену.

Вэй почувствовал легкий укол. Темно-красная кровь медленно потекла по прозрачной трубке. Медсестра подставила первую пробирку. Она наполнилась за несколько секунд.

Обычно при медицинских осмотрах в университете для анализа брали совсем немного крови. Одну маленькую пробирку. Иногда просто кололи палец.

Но медсестра отставила первую пробирку в штатив и взяла вторую. Кровь продолжала течь.

Затем третья. Четвертая.

Вэй почувствовал, как комната начинает медленно вращаться. Он и так был истощен скудным тюремным пайком. Потеря такого объема крови мгновенно сказалась на его состоянии. В ушах появился тонкий, звенящий шум.

— Зачем... зачем так много? — тихо спросил он, глядя, как наполняется пятая пробирка.

Медсестра даже не подняла глаз.

— Сиди тихо. Не разговаривать.

Она отсоединила последнюю пробирку. Сняла жгут. Прижала к месту укола кусок ваты и резко согнула руку Вэя в локте.

— Держи. Свободен. Следующий!

Вэй с трудом поднялся с кресла. Его ноги дрожали. Он посмотрел на столик. Пять пробирок, наполненных его кровью, стояли в ряд. Медсестра уже наклеивала на них белые бумажки. На бумажках не было его имени. Только номер 312.

Он не знал, и никто в тот момент не мог ему объяснить, что такие объемы крови могли быть избыточными для простого клинического анализа. Такой набор пробирок мог понадобиться для более широких исследований: определения группы крови и резус-фактора, проверки инфекционных показателей, а при необходимости — и для типирования тканей и оценки совместимости.

Это были анализы, которые делают потенциальным донорам или реципиентам перед трансплантацией.

Но Вэй был просто студентом-физиком, запертым в тюрьме за свои убеждения. Он прижал вату к руке и, пошатываясь, вышел в коридор.

В это же время в кабинете номер четыре находился Лао Чэнь.

В комнате был полумрак. Окна были плотно зашторены. В центре стояла высокая кушетка, застеленная одноразовой бумажной простыней. Рядом тихо гудел массивный аппарат с небольшим светящимся экраном.

Врач, мужчина средних лет в очках с тонкой металлической оправой, указал Лао Чэнь на кушетку.

— Ложитесь на спину. Поднимите рубашку до груди.

Лао Чэнь послушно лег. Бумага под ним тихо зашуршала. Мужчина чувствовал себя неловко. У него болело сердце. Он подумал, что, возможно, тюремное начальство решило проявить милосердие. Возможно, сейчас врач послушает его сердце, выпишет таблетки, и эта боль отступит.

— Доктор, — робко начал Лао Чэнь. — У меня иногда колет в груди. И колени... колени совсем не гнутся.

Врач не ответил. Он взял пластиковый флакон и выдавил на впалый живот старика порцию прозрачного геля.

Гель был ледяным. Лао Чэнь невольно вздрогнул.

Врач взял в руку датчик ультразвукового аппарата и прижал его к коже. На экране замелькали черно-белые тени. Врач смотрел только на монитор. Его лицо было сосредоточенным, почти напряженным.

Он водил датчиком по правой стороне живота. Медленно. Тщательно.

— Печень, — коротко бросил врач ассистенту, сидевшему в углу комнаты за столом. — Размеры в пределах нормы. Контуры ровные. Структура однородная. Патологий не выявлено.

Ассистент быстро застучал клавишами печатной машинки.

Датчик переместился ниже, к бокам. Врач с силой вдавливал пластиковый прибор в худые ребра Лао Чэнь.

— Почки. Правая почка без изменений. Левая почка без изменений. Камни отсутствуют.

Лао Чэнь лежал неподвижно. Он не понимал, что происходит. Почему врач не спрашивает о его самочувствии? Почему он так внимательно изучает его внутренности, игнорируя жалобы на больные суставы?

Датчик скользнул выше, к грудной клетке.

— Сердце. Клапаны в норме. Ритм ровный.

— Но доктор, оно иногда болит, — снова попытался сказать Лао Чэнь.

— Молчать, — резко оборвал его врач. Он не смотрел на лицо пациента. Для него лица не существовало. Существовал только набор внутренних органов, отображающихся на черно-белом экране. Органов, которые, несмотря на возраст мужчины, оказались на удивление здоровыми благодаря годам утренних медитаций и упражнений.

Врач убрал датчик. Бросил Лао Чэню бумажное полотенце.

— Вытирайтесь. Одевайтесь. На выход.

Мужчина дрожащими руками стер липкий гель с живота. Он опустил рубашку. Никаких таблеток. Никаких рецептов. Никаких советов по лечению. Осмотр был окончен.

Подобные сцены разворачивались не только в этом изоляторе. Эта странная, пугающая практика позднее всплывала в свидетельствах бывших заключенных из разных мест заключения Китая.

В городе Дацин, в тысячах километров отсюда, другой практикующий Фалунь Дафа проходил через точно такую же процедуру. Его звали Чэн Пэймин. Он был арестован и приговорен к восьми годам тюремного заключения.

В тюрьме Чэн подвергался жесточайшим пыткам. Его избивали, лишали сна, держали в невыносимых условиях. Его тело было покрыто синяками и ссадинами. Но, несмотря на это очевидное физическое насилие, тюремная администрация регулярно отправляла его на тщательные медицинские обследования.

Врачи в клиниках Дацина брали у Чэна кровь. Они делали ему рентген. Они проводили ультразвуковое исследование его внутренних органов.

Контраст был чудовищным. Днем охранники могли сломать человеку ребра дубинками, а вечером врачи в белых халатах бережно и внимательно изучали состояние его печени и почек. Никто не лечил сломанные ребра. Никто не обрабатывал раны. Медицину интересовало только то, что находилось глубоко внутри. То, что имело ценность.

Чэн Пэймин, как и Лао Чэнь, как и Вэй, не получал на руки никаких результатов. Медицинские карты заполнялись, закрывались и исчезали в металлических шкафах тюремных архивов.

Линь вызвали в кабинет номер один.

Это был кабинет офтальмолога. Врач попросил ее сесть на стул и прижать подбородок к специальной пластиковой подставке.

— Смотрите прямо перед собой. Не моргайте.

Врач включил узконаправленный, ослепительно яркий луч света. Он направил его прямо в глаз Линь. Она инстинктивно попыталась отстраниться, но врач жестко удержал ее голову за затылок.

Он рассматривал ее роговицу через увеличительное стекло. Долго. Внимательно.

Линь преподавала литературу. Она много читала, проверяла тетради при плохом освещении, и ее зрение в последние годы начало падать. Она носила очки.

— У меня близорукость, — тихо сказала она, когда врач выключил свет. — Минус два.

Врач ничего не записал в карту. Близорукость его не интересовала. Острота зрения не имела значения. Его интересовала только прозрачность роговицы. Отсутствие помутнений. Физическая целостность ткани.

— Роговица чистая, — продиктовал он медсестре. — Следующий.

К полудню осмотр был завершен.

Заклоченных снова построили в колонну. Они шли обратно по длинным коридорам. Запах хлорки и спирта постепенно сменялся привычным запахом сырости и отчаяния. Свет становился тусклее.

Когда тяжелая дверь камеры захлопнулась за Линь, она бессильно опустилась на свой матрас. В камере было тихо. Женщины сидели по углам, обхватив колени руками. Каждая думала о том, что только что произошло.

В соседнем блоке, где содержались обычные уголовные преступники, было шумно. Там кто-то кричал, требуя позвать врача, потому что у него начался приступ аппендицита. Охранники в ответ только били дубинками по железной двери и требовали заткнуться.

Ни одного вора, ни одного мошенника, ни одного убийцу не водили сегодня в медицинский блок.

Их не проверяли на ультразвуковом аппарате. У них не брали кровь пробирками. Их здоровье никого не интересовало.

Эта избирательность пугала больше всего.

Вэй лежал на полу своей камеры. У него кружилась голова. Место укола на сгибе локтя посинело и болело. Он закрыл глаза и попытался применить логику, которой его учили на физическом факультете.

Если их хотят уничтожить, то можно просто заморить их голодом. Если их хотят сломать, то есть карцер и пытки. Зачем тратить государственные деньги на реактивы для анализа крови? Зачем использовать дорогостоящее оборудование для УЗИ?

Уравнение не сходилось. В нем не хватало какой-то переменной. Какой-то страшной, невыносимой детали, которая могла бы объяснить этот абсурд.

Вэй вспомнил глаза медсестры. В них не было сочувствия. В них не было желания помочь. В них был только холодный, профессиональный расчет. Она смотрела на него не как на пациента. Она смотрела на него как на источник материала.

Вечером того же дня в кабинете начальника медицинского блока горел свет.

На столе лежали десятки свежих медицинских карт. В них не было имен. Только номера.

Рядом с каждой картой лежал бланк с результатами анализа крови. Красными чернилами были выведены буквы и цифры. Группа крови. Резус-фактор. Показатели тканевой совместимости.

Врач сидел за столом и методично переносил эти данные в сводную таблицу на компьютере.

Номер 312. Группа крови первая, положительная. Печень здорова. Почки здоровы. Номер 402. Группа крови вторая, положительная. Роговица чистая. Номер 428. Группа крови третья, отрицательная. Сердце в норме.

Это не была история болезни. Это был каталог.

База данных пополнялась каждый день. Тысячи здоровых, крепких органов тщательно классифицировались, описывались и заносились в электронные списки.

Люди в камерах ничего этого не знали. Они сидели в темноте, прислушиваясь к шагам охранников в коридоре, и надеялись, что завтрашний день принесет им

свободу. Они верили, что эта странная медицинская проверка просто бюрократическая ошибка или часть непонятной тюремной рутины.

Они не знали, что их тела им больше не принадлежат.

Что где-то в светлых, чистых кабинетах их сердца, почки и печень уже оценены, каталогизированы и ждут своего часа. Ждут того момента, когда в базу данных поступит запрос на идеальное совпадение.

В камере Лао Чэня было холодно. Мужчина свернулся калачиком на жесткой койке. Его сердце, которое врач сегодня признал абсолютно здоровым и пригодным, билось ровно и тихо. Оно отсчитывало время в темноте. Время, которого у него оставалось все меньше.

В коридоре лязгнул засов. Шаги остановились у соседней двери.

Кто-то снова пришел с планшетом. Кто-то снова начал выкрикивать номера. Механизм продолжал свою беззвучную, методичную работу, собирая данные, сортируя людей и готовя почву для того, что должно было последовать дальше.

Глава 7

Пустые места

В переполненной тюремной камере пространство — это главная ценность. Люди спят на бетонном полу, плотно прижавшись друг к другу. Они делят каждый квадратный сантиметр. Они дышат одним тяжелым, спертым воздухом. В таких условиях исчезновение даже одного человека должно приносить облегчение. Должно становиться легче дышать. Должно появляться место, чтобы вытянуть затекшие ноги. Но когда в камере номер 412 появилось первое пустое место, никто не почувствовал облегчения. Вместо него страх.

Девушку звали Чжао Сяосюэ. Ей было двадцать два года. Она приехала в город из небольшой северной деревни, работала на швейной фабрике и практиковала Фалунь Дафа с шестнадцати лет. У нее были ясные глаза, густые черные волосы и абсолютное, несокрушимое здоровье. Она никогда не жаловалась на холод. Она отдавала свою порцию горячей воды старшим женщинам в камере.

Сяосюэ исчезла в ночь на четвертое ноября. Это произошло через три дня после того, как ее, вместе с другими, водили в медицинский блок.

Шаги в коридоре раздались около двух часов ночи. Тяжелые ботинки остановились у металлической двери. Лязгнул засов. Яркий свет из коридора ударил по глазам спящих женщин.

— Номер 418. С вещами, — сухо произнес дежурный охранник.

Сяосюэ села на своем тонком матрасе. Она не задавала вопросов. В этой системе вопросы были бессмысленны. Она аккуратно сложила запасную рубашку, взяла маленькое пластиковое ведро для умывания и свернула тонкое одеяло.

Линь, спавшая рядом, приподнялась на локте.

— Куда тебя? — прошептала она одними губами.

Сяосюэ пожала плечами. На ее лице появилась робкая, почти детская улыбка.

— Может быть, домой, — тихо ответила девушка. — Я ведь ничего не подписала. Может, они поняли, что это ошибка.

Она шагнула за порог. Дверь с грохотом захлопнулась. Шаги стихли в конце длинного коридора.

Утром на том месте, где спала Сяосюэ, остался только голый серый бетон. Линь смотрела на этот пустой прямоугольник пола, и внутри нее росло необъяснимое чувство тревоги. Она провела ладонью по холодному камню. Если человека отпускают домой, ему отдают личные вещи в комнате охраны. Ему возвращают паспорт. Но через два дня, во время короткой утренней прогулки во внутреннем бетонном дворе, Линь увидела пластиковое ведро Сяосюэ. Оно валялось в мусорном баке возле двери пищеблока. Рядом лежало ее тонкое одеяло, испачканное машинным маслом.

Домой не отпускают без вещей. Исчезновения начали происходить регулярно.

Вэй сидел в своей камере на мужском этаже. Он был студентом-физиком. Его мозг был натренирован искать закономерности, выстраивать логические цепочки и анализировать данные. В условиях абсолютной изоляции этот навык стал его единственным способом сохранить рассудок.

Вэй начал мысленно составлять таблицу. Он запоминал номера тех, кого уводили. Он фиксировал их возраст. Их физическое состояние. Дату их последнего медицинского осмотра.

Первым из их камеры забрали Сунь Мина. Ему было двадцать шесть лет. В прошлом он профессионально занимался плаванием. У него была широкая грудная клетка, ровное дыхание и ни одной хронической болезни. Сунь Мин не курил и не употреблял алкоголь. Его увели десятого ноября, ровно через неделю после того, как у него взяли пять больших пробирок крови. Затем забрали Гао. Двадцать четыре года. Строитель. Идеальное здоровье. Потом исчез Ли. Двадцать восемь лет. Водитель грузовика.

Вэй смотрел на оставшихся в камере людей. В углу сидел пятидесятилетний мужчина с тяжелой формой астмы. Он задыхался каждую ночь. Его не трогали. У стены лежал пожилой учитель математики с язвой желудка. Его тоже не вызывали с вещами.

Логика карательной системы всегда строилась на поведении заключенного. Наказывали тех, кто сопротивлялся. Отправляли в карцер тех, кто спорил. Лишали еды тех, кто отказывался подписывать бумаги. Но здесь эта логика не работала.

Сунь Мин был тихим. Гао часто спорил с охранниками. Ли вообще ни с кем не разговаривал. Их поведение было разным. Их объединяло только одно. Биология. Они были молоды. Они были физически крепки. Их тела функционировали безупречно.

Вэй сидел, обхватив голову руками. Эта мысль пугала его своей холодной, математической точностью. Будто кто-то вел отбор не по вине, не по сроку, не по послушанию, а по качеству здоровья.

Однажды утром, когда охранник принес в камеру бак с водянистой кашей, Вэй осмелился задать вопрос.

— Командир, — тихо сказал студент, глядя в пол. — Куда перевели Сунь Мина?

Охранник остановился. Он посмотрел на Вэя пустым, ничего не выражающим взглядом. В его глазах не было ни злости, ни угрозы. Только абсолютное равнодушие человека, выполняющего инструкцию.

— Убыл, — коротко бросил охранник.

— Куда убыл? В трудовой лагерь? В другую тюрьму?

— Переведен. Пункт назначения не разглашается.

Охранник развернулся и вышел, лязгнув засовом.

Слова «убыл» и «переведен» стали самыми страшными словами в изоляторе. Они не означали ничего конкретного. Они были черной дырой, в которую проваливались живые люди. Ни номеров дел. Ни названий исправительных учреждений. Ни сроков приговора. Просто пустое место на бетонном полу.

За стенами изолятора, в мире, где еще светило солнце и ездили автобусы, семьи тоже пытались найти логику в происходящем.

Двенадцатого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года в приемную городского центра содержания под стражей пришла пожилая женщина. Ее звали госпожа Чжан. Она опиралась на деревянную трость. В другой руке она держала объемный пластиковый пакет.

Ее сыну, Чжан Вэйго, было двадцать четыре года. Он был арестован два месяца назад за то, что отказался прекратить утренние медитации в парке.

Госпожа Чжан подошла к толстому стеклу справочного окна. За стеклом сидел дежурный офицер в синей форме.

— Доброе утро, — вежливо сказала женщина. — Я принесла теплые вещи для моего сына. Чжан Вэйго. Номер 514. На улице сильно похолодало.

Офицер неторопливо открыл толстый журнал учета. Провел пальцем по длинным столбцам фамилий и номеров.

— Чжан Вэйго здесь больше не содержится, — сказал он, не поднимая глаз.

Госпожа Чжан замерла. Ее рука крепче сжала ручку пластикового пакета.

— Как не содержится? Его отпустили?

— Нет. Он переведен.

— Куда? В какой лагерь? Скажите мне адрес, я поеду туда. Ему нужна зимняя куртка. У него слабое горло, он простудится.

Офицер закрыл журнал.

— Информация о месте перевода является закрытой. Следующий.

— Подождите! — голос женщины дрогнул, в нем появились нотки отчаяния. — Если его перевели, отдайте мне его старые вещи. Его осеннюю куртку. Его ботинки. Я заберу их домой.

Офицер посмотрел на нее сквозь мутное стекло.

— Личные вещи убитого не подлежат выдаче. Покиньте помещение, гражданка. Вы задерживаете очередь.

Госпожа Чжан вышла на улицу. Дул пронзительный ветер. Она стояла на ступенях изолятора, прижимая к груди пакет с новой зимней курткой сына, и не могла сделать ни шагу.

В ее голове билась одна мысль, простая и страшная в своей обыденности. В Китае не выбрасывают хорошие вещи. Осенняя куртка стоит денег. Ботинки стоят денег. Если человека переводят в трудовой лагерь на север, ему отдают его одежду. Государство не выдает заключенным теплых вещей просто так.

Если вещи утилизированы, значит, они больше не нужны. Значит, человек, которому они принадлежали, больше не нуждается в тепле. Семьи не получали официальных уведомлений о смерти. Они не получали тел. Они получали только слово «убыл».

Мэй сидела в своей камере, обхватив колени руками. Ей было тридцать лет. Она была здорова. У нее была первая группа крови. Она начала бояться собственного тела.

Каждый раз, когда она делала вдох, она чувствовала, как ровно и сильно бьется ее сердце. Она чувствовала, как легко ее легкие наполняются воздухом. Раньше она радовалась этому здоровью. Оно позволяло ей работать, носить на руках маленькую дочь, не уставать к вечеру. Теперь это здоровье стало мишенью.

Мэй смотрела на пустые места в своей камере. Вчера увели молодую женщину по имени Ли На. Ей было двадцать три. Перед уходом Ли На хотела взять с собой маленькую деревянную расческу, которую прятала в кармане рубы.

Охранник выбил расческу из ее рук.

— Там тебе это не понадобится, — сказал он.

Мэй закрыла глаза. Она пыталась представить лицо своей дочери, но страх вытеснял все остальные чувства. Она поймала себя на страшной, противоестественной мысли.

Она хотела заболеть. Она мечтала о том, чтобы у нее начался тяжелый кашель. Чтобы ее кожа покрылась язвами. Чтобы ее сердце начало давать сбои. Она хотела стать бракованным материалом. Стать бесполезной.

Парадокс этой тюрьмы заключался в том, что болезнь здесь была гарантией жизни. А идеальное здоровье — билетом в один конец.

Мэй начала специально сидеть на самом холодном участке пола, у самой двери, где дул сквозняк. Она надеялась простудиться. Но ее организм, укрепленный годами утренних практик, сопротивлялся. Она оставалась здоровой. И с каждым днем ее шансы услышать ночью свою фамилию росли.

Лао Чэнь наблюдал за происходящим из своего угла. Его не вызывали на допросы уже две недели. От него не требовали подписать бумаги. О нем словно забыли.

Он сидел и смотрел, как камера постепенно пустеет. Сначала их было двенадцать человек. Потом десять. Потом восемь. Новых заключенных не приводили. Пустые места оставались пустыми. Тишина в камере становилась все более плотной. Она заполняла собой те пространства, где еще недавно спали, дышали и тихо переговаривались люди.

Психологическое напряжение ожидания изматывало сильнее физических пыток. Когда человека бьют, он знает, что происходит. Он чувствует боль, он может сжаться, может попытаться защититься. Это понятное, физическое насилие.

Но когда люди просто исчезают без следа, человеческая психика начинает разрушаться от неизвестности. Мозг пытается заполнить пустоту догадками, и каждая следующая догадка страшнее предыдущей.

Они не знали о внутренних распоряжениях. Не знали о базах данных, где их номера могли быть привязаны к показателям тканевой совместимости. Не знали о том, что где-то в чистых, светлых операционных частных клиник кто-то уже готовится к плановой операции. Они знали только то, что видели их глаза. Бетон. Решетки. И пустые места на полу.

Наступила очередная ночь. Свет в камере Вэя был приглушен, но не выключен полностью. Студент лежал на спине, глядя в потрескавшийся потолок.

Где-то во внутреннем дворе изолятора взревел мощный дизельный двигатель. Звук был тяжелым, вибрирующим. Это был не легковой автомобиль начальства. Это был большой грузовик. Или фургон.

Вэй затаил дыхание. В камере повисла абсолютная тишина. Все оставшиеся заключенные прислушивались к этому звуку. Двигатель работал на холостых оборотах несколько минут. Затем послышался лязг открывающихся металлических

ворот. Хруст шин по асфальту. Машина медленно выехала за территорию изолятора. Звук мотора начал удаляться, растворяясь в ночном шуме спящего города.

Вэй повернул голову. Справа от него было пустое место, где раньше спал Сунь Мин. Слева пустое место Гао.

Холодный сквозняк тянул из-под двери, скользя по голому бетону. Вэй закрыл глаза, но сон не шел. Он понимал, что логическая цепочка почти выстроена. Оставался только один, последний элемент. Самый страшный вывод, который его разум пока отказывался принимать.

Глава 8

Осознание

Зима сковала город медленно и неотвратно. Бетонные стены изолятора промерзли насквозь. Холод больше не был просто температурой воздуха. Он стал осязаемым присутствием в камерах. Он жил в углах, покрытых черной плесенью. Он оседал инеем на железных прутьях решеток. Он проникал под тонкую ткань тюремных роб и оставался там навсегда.

Линь мыла пол в административном коридоре. Это считалось привилегией. Работа давала возможность двигаться. Движение рождало крохи тепла. Кроме того, в административном крыле работали батареи отопления.

Вода в пластиковом ведре была ледяной. Тряпка из грубой мешковины оставляла на выцветшем линолеуме широкие серые разводы. Линь опускала руки в воду, выжимала ткань и снова опускалась на колени. Ее движения были автоматическими. Разум находился в состоянии спасительного оцепенения.

Она домыла участок возле кабинета начальника смены и выпрямила спину. Поясница отозвалась тупой, тянущей болью. Линь прислонилась плечом к стене и посмотрела в конец коридора. Там находилось окно.

Оно было узким, забранным толстой металлической решеткой. Но, в отличие от окон в тюремных блоках, стекла здесь не были закрашены белой краской. Сквозь

них был виден внутренний двор изолятора. Кусочек внешнего мира. Серое небо. Голые ветви дерева за высоким забором с колючей проволокой.

Линь сделала несколько шагов к окну. Она просто хотела посмотреть на дневной свет. Но ее взгляд привлекло движение внизу. У задних ворот четвертого блока, где содержались мужчины, стояла машина.

Это был не привычный темно-синий полицейский фургон для перевозки заключенных. Это был белый медицинский фургон с красным крестом на борту. Линь замерла. Она прижалась лбом к холодному стеклу.

В обычной жизни скорая помощь — это символ спасения. Она приезжает с воем сирен. На крыше мигают проблесковые маячки. Из открытых дверей выбегают люди с носилками, спешащие к человеку, чья жизнь висит на волоске.

Здесь всё было иначе.

Машина стояла абсолютно тихо. Маячки были выключены. Двигатель работал на холостых оборотах, из выхлопной трубы поднимался густой белый пар, растворяясь в морозном воздухе.

Здесь все было иначе. Машина стояла абсолютно тихо. Маячки были выключены. Двигатель работал на холостых оборотах, из выхлопной трубы поднимался густой белый пар, растворяясь в морозном воздухе.

Линь присмотрелась. Это был странный медицинский фургон. На его бортах не было названия городской больницы. Только красный крест. Стекла в задней части кузова были наглухо затонированы черной пленкой. Сквозь них невозможно было ничего разглядеть.

Водитель сидел в кабине. Он курил, слегка приоткрыв окно. Он никуда не спешил. Не выглядел как человек, приехавший спасти умирающего. Он выглядел как курьер, ожидающий погрузки.

Внутри Линь начало зарождаться странное, холодное чувство. Оно поднималось от живота к горлу. Она вспомнила прошлую неделю. У пожилой женщины в соседней камере случился тяжелый приступ астмы. Она задыхалась, ее лицо посинело. Женщины стучали в железную дверь, умоляя вызвать врача. Охранник подошел только через час. Он ударил дубинкой по металлу и приказал всем замолчать. Никакая скорая помощь тогда не приехала. Женщина выжила только чудом. Здоровье заключенных здесь не стоило ничего. Тогда почему эта белая машина стоит у ворот? Кого она ждет?

Тяжелая металлическая дверь четвертого блока со скрипом открылась. На бетонное крыльцо вышли двое конвоиров в теплой зимней форме. Между ними шел человек в тонкой серой робе. Это был молодой парень из пятой камеры. Ему было не больше двадцати пяти лет. До ареста он работал учителем физкультуры в начальной школе. Он был абсолютно здоров. У него была широкая грудная клетка, ясный взгляд и ровная, уверенная походка. Он не был болен. Он не нуждался в экстренной медицинской помощи. Он шел сам, не опираясь на конвоиров. Его подвели к задним дверям белой машины. Водитель выбросил окурок и нажал кнопку в кабине. Двери кузова медленно открылись.

Линь затаила дыхание. Внутри она успела увидеть лишь фрагменты: яркий белый свет, металлические контейнеры, аккуратно закрепленные у стены, и силуэты двух людей в зеленой медицинской одежде. Этого было слишком мало, чтобы доказать что-либо. Но достаточно, чтобы холод в груди стал почти физическим.

Они не вышли наружу. Просто протянули руки в резиновых перчатках. Конвоиры грубо толкнули молодого парня в спину. Он споткнулся и исчез внутри светящегося кузова. Двери мгновенно захлопнулись.

Машина не включила сирену. Не сорвалась с места. Водитель плавно переключил передачу. Белый фургон медленно, почти бесшумно развернулся на заснеженном асфальте и выехал за ворота изолятора.

Двор снова опустел. Только примятый снег и брошенный окурок напоминали о том, что здесь только что был человек. Линь медленно отошла от окна. Ее руки дрожали так сильно, что она не смогла сразу взять швабру. Деревянный черенок выскользнул из пальцев и с громким стуком упал на линолеум. Звук эхом разнесся по пустому коридору. Она опустила руку на колени рядом с ведром. Разум отказывался принимать то, что только что увидели глаза. Это была ошибка. Оптическая иллюзия. Неправильная интерпретация. Должно быть логичное, нормальное объяснение. Но нормального объяснения не было.

На следующий день Линь отправили убирать кабинет дежурного врача в медицинском блоке. Это была та самая комната, где несколько недель назад у них брали кровь. Пять больших пробирок.

Врач вышел на обед. Конвоир, который должен был следить за Линь, остался курить на лестничной клетке, приказав ей закончить уборку за десять минут. В кабинете было тепло и тихо. Тихо гудел системный блок компьютера под столом.

Линь начала протирать пыль с подоконника. Затем перешла к рабочему столу. На столе лежал открытый журнал. Рядом несколько листов, распечатанных на принтере. Она знала правила. За чтение чужих бумаг полагался карцер. Пять суток в бетонном мешке без света и тепла. Но ее взгляд, словно примагниченный, упал на ровные столбцы цифр.

Это не был обычный медицинский журнал учета больных. Это была распечатка из электронной базы данных.

Линь перестала водить тряпкой по столу, она наклонилась ближе. В левой колонке шли номера. Те самые номера, которые были пришиты к их серым робам: 402, 418, 505.

Рядом с каждым номером стояли буквы и цифры. Линь преподавала литературу, но она знала базовую биологию. Она узнала эти обозначения. Группа крови, резус-фактор. Дальше шли более сложные аббревиатуры. Индексы тканевой совместимости, показатели состояния внутренних органов: Печень — норма, почки — без патологий, роговица — прозрачная.

Это был не медицинский осмотр. Это была инвентаризация тел. Но самое страшное находилось в правой части листа. Там были колонки, которые не имели никакого отношения к тюремному расписанию или лечению. Линь прочитала первую строку.

«Госпиталь №4. Запрос: печень. Совпадение: №505. Дата: 14 декабря. Подготовка: 15:00».

Она перевела взгляд на следующую строку.

«Клиника Р. Запрос: почки. Совпадение: №418. Дата: 15 декабря. Подготовка: 09:30».

Номер 418. Линь закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Номер 418 это была Сяосюэ. Девушка из ее камеры. Девушка с ясными глазами, которая отдавала свою горячую воду старшим. Девушка, которую увели ночью месяц назад. Она не уехала домой. Ее не перевели в трудовой лагерь. Ее номер был в таблице напротив слова «почки». Линь смотрела на эти строки, и буквы расплывались перед глазами. В голове стоял гул. Запрос. Совпадение. Подготовка.

Если эта таблица означала то, о чем она боялась подумать, то изолятор был связан с больницами не случайными переводами, а расписанием. Если богатый

пациент, заплативший десятки тысяч долларов, был готов к операции днем, белая машина могла приехать к воротам тюрьмы утром.

Человек сидел в камере. Дышал. Думал о семье. Надеялся на справедливость. А в это время в светлой, стерильной операционной на другом конце города могли уже раскладывать инструменты на металлических подносах.

Два мира были синхронизированы с пугающей точностью.

База, если она действительно была тем, чем казалась, соединяла не заключенных и учреждения. Она соединяла спрос и живых людей, превращая имена в номера, а тела — в строки поиска.

В коридоре слышались шаги. Линь мгновенно отпрянула от стола. Опустилась на колени и начала яростно тереть чистый линолеум. Сердце билось так сильно, что казалось, оно сейчас проломит ребра.

Дверь открылась. В кабинет вошел дежурный врач. За ним следовал человек в строгом темном костюме. Это был не охранник. Это был чиновник высокого ранга. От него пахло дорогим парфюмом и свежим морозным воздухом.

Они не обратили внимания на женщину в серой робе, стоящую на коленях в углу. Для них она была частью мебели. Пустым местом.

— Вы понимаете уровень ответственности, доктор Чжоу? — тихо, но с металлом в голосе спросил человек в костюме.

Врач подошел к раковине. Включил воду и начал долго, тщательно мыть руки. Его плечи были согблены. Он выглядел глубоко уставшим человеком.

— Я понимаю, директор, — ответил врач глухим голосом.

— Документы должны быть подписаны всеми членами выездной бригады. Никаких исключений. От водителя до анестезиолога.

Чиновник достал из кожаной папки стопку бумаг и положил их на стол. Прямо поверх распечаток из базы данных.

Линь замерла. Перестала дышать, боясь выдать свое присутствие малейшим звуком.

— Мои хирурги задают вопросы, — сказал доктор Чжоу, вытирая руки бумажным полотенцем. Он не смотрел на чиновника. Он смотрел в окно. — Они молодые специалисты. Они видят, что материал поступает... слишком быстро.

Видят следы от наручников на запястьях. Видят, что это не всегда похоже на жертв аварий или казненных уголовников.

— Пусть смотрят на документы, а не на запястья, — холодно отрезал чиновник.
— Это вопрос государственной безопасности. Подписка о неразглашении действует бессрочно. За нарушение — уголовная ответственность. Вы спасаете жизни уважаемых граждан. Двигаете вперед китайскую медицину. Откуда берется материал — не ваша забота. Это забота системы исполнения наказаний.

— Мы давали клятву сохранять жизнь... — голос врача дрогнул.

— Ваша клятва не отменяет приказ, доктор Чжоу. Подпишите формы.

Врач медленно подошел к столу. Взял шариковую ручку. Линь слышала, как скрипит шарик по плотной бумаге.

Врачи. Люди, чьим призванием было лечить. Люди, к которым общество испытывало величайшее доверие. Они становились частью этого живого конвейера. Их заставляли молчать. Их связывали круговой порукой, страхом за свои семьи и огромными деньгами.

Секретность покрывала все. Никаких имен. Никаких разговоров с родственниками. Только номера, время, подписи о неразглашении и красные печати.

Чиновник аккуратно собрал подписанные бумаги, убрал их в папку и застегнул молнию.

— Машина прибудет за номером 513 через сорок минут. Подготовьте сопроводительные документы.

Он развернулся и вышел из кабинета.

Доктор Чжоу остался один. Тяжело опустился в кресло. Снял очки и потер переносицу. Он долго сидел так, глядя в пустую стену. Линь тихо поднялась с колен. Взяла ведро, швабру и бесшумно вышла в коридор. Врач даже не повернул головы.

Вечером Линь сидела на своем тонком матрасе в камере. Свет тусклой лампы, забранной металлической сеткой, падал на серые бетонные стены. В камере было тихо. Женщины спали, плотно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить крохи тепла. Слышалось только их ровное, тяжелое дыхание.

Линь не спала. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в темноту. В ее голове окончательно складывался пазл. Разрозненные фрагменты, которые

раньше казались проявлениями жестокого, бессмысленного абсурда, теперь выстроились в ясную и чудовищную картину.

Она вспомнила все. Как у них брали кровь. Не из пальца. Из вены. Пять больших пробирок. Никто не делает такие анализы просто для проверки на анемию. Это было похоже на подготовку базы данных. На точное типирование.

Она вспомнила, как врач водил ледяным датчиком ультразвукового аппарата по животу Лао Чэня. Он не искал причину его болей. Не собирался его лечить. Он отмечал состояние внутренних органов.

Она вспомнила пустые места на полу. Исчезали здоровые. Те, чьи органы могли прижиться в чужом теле. Людей с хроническими заболеваниями оставляли в камерах. Они были неинтересны системе. Их не пытались перевоспитать. Их не пытались понять.

Требование подписать отказ от Фалунь Дафа оставалось инструментом давления. Но теперь Линь видела, что рядом с идеологическим принуждением существовала другая, еще более холодная логика. Человека могли ломать как верующего — и одновременно учитывать как тело.

Как только в частной клинике появлялся богатый пациент — иностранец, приехавший за медицинским туризмом, или местный партийный функционер, нуждающийся в новой печени, — компьютер мог начинать поиск совместимого номера.

Он сканировал тысячи номеров. Он искал идеальное совпадение по группе крови и тканевым индексам. И когда совпадение находилось, ночью в тюремном коридоре раздавались тяжелые шаги. Лязгал засов. Звучала сухая команда: «С вещами». Вещи потом выбрасывали в мусорный бак во внутреннем дворе. Потому что мертвому не нужна зимняя куртка. Мертвому не нужно пластиковое ведро для умывания. А к задним воротам подъезжала белая машина с тонированными стеклами. Специализированный автомобиль, внутри которого ждали люди в зеленых хирургических костюмах.

Линь зажала рот рукой. Ее била крупная, неконтролируемая дрожь. Это был экзистенциальный ужас перед бездной, в которую они провалились. Государство не просто отняло у них свободу. Оно не просто лишило их гражданских прав и доброго имени. Оно отняло у них право на собственные тела. Они были живым банком органов. Огромным, бесплатным складом биологического материала.

Стадом, которое держат в бетонном загоне до тех пор, пока не поступит заказ на свежее мясо. Именно поэтому их кормили ровно настолько, чтобы они не умерли от истощения. Именно поэтому их не отправляли в обычные городские больницы, если они заболели простудой. Их берегли. Но берегли не как людей, а как контейнеры с ценным грузом.

Линь закрыла глаза. В памяти всплыл голос женщины, с которой она сидела в камере временного содержания в самые первые дни после ареста, когда всё еще казалось страшной ошибкой. Женщину звали Ван. До ареста она работала старшей медсестрой в крупном военном госпитале в соседней провинции.

Ван тогда сидела в углу камеры. Она ни с кем не разговаривала. Она постоянно смотрела на свои руки, словно пыталась стереть с них невидимую грязь. Однажды ночью, когда все спали, Ван заговорила. Она говорила тихо, почти шепотом, постоянно оглядываясь на железную дверь. «Они привезли его ночью, молодой парень, практикующий, он был без сознания. Охранники сказали, что у него сердечный приступ. Но кардиограмма была нормальной. Ему ввели миорелаксанты. Препараты, которые парализуют мышцы. Но ему не дали нормального, глубокого наркоза. Анестезиолог сказал, что наркоз может повредить качеству органов».

Ван замолчала, тяжело сглотнув. «Главный хирург приказал нам подготовить операционную. Я стояла рядом со столом. Я подавала инструменты. Я видела, как парень открыл глаза, когда скальпель коснулся его груди. Он всё чувствовал. Он не мог кричать из-за трубки в горле. Он не мог пошевелиться из-за миорелаксантов. Но его глаза... Я никогда не забуду эти глаза. В них было столько боли, что у меня потемнело в глазах. Они вырезали сердце, пока оно еще билось. Они положили его в контейнер со льдом. А потом просто сбросили тело в черный пластиковый мешок. На следующий день я написала заявление об увольнении. А через неделю за мной пришли».

Тогда, в первые дни, Линь не поверила ей. Она подумала, что Ван сошла с ума от страха. Что ее разум повредился от пыток. Линь, выросшая на классической литературе, верившая в гуманизм и прогресс, просто не могла вместить в себя эту информацию. Такие вещи не могли происходить в современном, цивилизованном мире. Это звучало как сценарий дешевого фильма ужасов.

Теперь она знала, что Ван говорила правду. Каждое ее слово было правдой. Правда была здесь, вокруг нее. В этих сырых бетонных стенах, в пустых местах на

полу, где еще вчера спали живые люди. В белых машинах, ожидающих у ворот с работающими двигателями. В распечатках на столе дежурного врача.

Линь посмотрела на свои руки в полумраке камеры. Тонкие пальцы. Выступающие синие вены на запястьях. Под тонкой кожей пульсировала кровь. Вторая группа. Положительный резус-фактор. Она знала это с детства. Теперь это знала и база данных. Где-то в недрах серверов ее сердце, ее легкие, ее роговица уже были оценены, классифицированы и внесены в каталог.

Она дышала, и каждый вдох казался ей украденным. Каждое биение сердца было отсчетом времени. Она представила себе человека, который однажды получит ее глаза. Будет ли этот человек смотреть на утреннее солнце? Будет ли он читать своим детям стихи эпохи Тан? Будет ли он знать, какой ценой ему досталось это зрение? Будет ли он видеть в своих снах холодные бетонные стены и белую машину у ворот?

Нет. Он ничего не узнает. Врачи подписали бумаги о неразглашении. Семье Линь пришлют короткое официальное уведомление. Им скажут, что она умерла от внезапной остановки сердца. Или что она совершила самоубийство. Или что она сбежала при переводе в другой исправительный лагерь и пропала без вести. Правда будет похоронена под толстым слоем фальшивых медицинских отчетов, поддельных свидетельств о смерти и молчания. В этом заключалась главная, дьявольская гениальность этой системы. Убийство было спрятано внутри самой гуманной профессии на земле. Операционные столы стали плахами. Скальпели хирургов превратились в орудия казни. Больничные палаты стали местами преступления. А белые медицинские халаты скрывали кровь гораздо надежнее, чем любая полицейская форма.

Наступило утро. Серый, тусклый свет начал пробиваться сквозь решетку под потолком. Ночная тьма отступала, возвращая камере ее привычные, убогие очертания. В коридоре загремели ключи. Послышались тяжелые шаги заступающей смены. Начинался новый день в изоляторе.

Линь сидела неподвижно. Она больше не ждала справедливости. Она больше не надеялась на то, что следователь разберется в ее деле и поймет, что произошла ошибка. Она больше не верила в то, что закон сможет ее защитить. Все иллюзии рухнули в эту ночь, оставив после себя кристальную, ледяную ясность. Она знала правду. И эта правда освободила ее от страха перед неизвестностью, заменив его абсолютным, спокойным пониманием своей судьбы.

Тяжелая металлическая дверь камеры со скрежетом открылась. На пороге стоял дежурный охранник. В руках он держал пластиковый планшет с закрепленными на нем листами бумаги. Он обвел равнодушным взглядом сидящих на полу женщин. Линь подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Охранник опустил глаза в свой планшет и провел пальцем по строчке.

— Номер 402, — произнес он громко в утренней тишине. — На выход. С вещами.

Линь медленно встала с холодного бетона. Она аккуратно поправила складки своей серой тюремной робы. Взяла свое маленькое пластиковое ведерко, сделала шаг к двери.

Глава 9

Глобальное молчание

Женева. Апрель две тысячи четвёртого года. Зал заседаний Комиссии ООН по правам человека был залит мягким, ровным светом. На длинных столах из полированного дерева стояли таблички с названиями стран, а рядом лежали аккуратные стопки документов, блокноты и дорогие перьевые ручки.

За трибуной стояла женщина. Её звал Чэнь Ин — так она называла себя в документах правозащитников. Она была одной из немногих, кому удалось выжить, выйти за ворота изолятора и покинуть страну. На ней был простой серый костюм, ее голос был тихим. Переводчики в стеклянных кабинах под потолком монотонно транслировали её слова на английский, французский и испанский языки.

Она рассказывала о пустых местах на бетонном полу. О людях, которые уходили ночью и не возвращались. О странных медицинских осмотрах, где врачей интересовали только здоровые органы. Она не произносила громких слов. Не обвиняла весь мир. Она просто перечисляла то, что видела. И от этого становилось еще страшнее.

Дипломаты слушали. Некоторые делали пометки в блокнотах. Кто-то смотрел на часы. Кто-то пил минеральную воду из тонких стеклянных стаканов. Когда Чэнь Ин закончила говорить, в зале повисла вежливая тишина. Никто не задал вопросов,

не потребовал немедленного расследования. Председательствующий сухо поблагодарил выступающую за её свидетельство и передал слово следующему докладчику. Слова бывшей заключённой были подшиты к протоколу. Они получили статус «заявлений, требующих дальнейшей проверки».

Человеческая психика обладает удивительным свойством защищаться от абсолютного ужаса. Когда масштаб преступления становится слишком огромным, в него проще не поверить. Дипломатам, юристам и правозащитникам в чистых европейских кабинетах было физически сложно представить, что в двадцать первом веке государство может использовать своих граждан как живой банк биологических материалов. Это звучало слишком чудовищно. Это казалось преувеличением. Травматической памятью жертвы. Ошибкой перевода. Политической пропагандой.

Но у этого глобального молчания была и другая, гораздо более циничная причина. Чтобы мир отвернулся от жертв, нужно было сделать этих жертв неприятными, непонятными и опасными в глазах мирового сообщества.

Официальные делегации привозили на международные форумы брошюры. В этих брошюрах не было ни слова о тюрьмах, пытках или изъятии органов. Там использовался другой язык. Людей, практиковавших Фалунь Дафа, называли «деструктивным культом», «опасной тоталитарной сектой», «антинаучным движением», угрозой для семьи, государства и общественного порядка. Этот ярлык был выбран с холодной точностью. В Европе и Америке уже существовало антикультовое движение. Общество помнило трагедии в Уэйко, Джонстаун, другие трагедии, где слово «культ» навсегда срослось со страхом. Западному обывателю не нужно было объяснять детали. Достаточно было сказать: «секта». Остальное воображение достраивало само.

Китайская пропагандистская машина использовала язык, понятный западной аудитории: «культ», «промыывание мозгов», «опасность для общества». В отдельных публикациях и на международных площадках она ссылалась на антикультовые тезисы, звучавшие в Европе и России, создавая впечатление, будто репрессии являются не нарушением свободы совести, а частью общей борьбы с экстремизмом и «деструктивными группами».

Антикультовая среда в Европе и России уже давно подготовила почву для такого восприятия. Организации, связанные с FECRIS, российские сектоведы и структуры вроде РАЦИРС годами формировали в публичном поле представление о

некоторых новых религиозных движениях как о скрытой угрозе. В этом языке Фалунь Дафа легко превращался не в группу людей с духовной практикой, а в удобный символ «опасной секты».

Китайские власти цитировали их работы, приглашали их на конференции и использовали их «экспертные» заключения как щит. Они говорили международному сообществу: «Мы не нарушаем права человека. Мы боремся с опасным экстремизмом. Мы защищаем общество от фанатиков, от деструктивного культа, точно так же, как это делаете вы».

Эта смысловая связка оказалась разрушительной. Пока одни называли Фалунь Дафа «культом», другие получали удобное идеологическое прикрытие для репрессий. Ярлык не доказывал вины. Но он делал жертву менее слышимой. Он давал наблюдателям повод отвести глаза и сказать: «Там, наверное, все сложнее».

И мир с облегчением принимал эту ложь. Потому что поверить в эту ложь было удобно. Это освобождало от необходимости действовать. От необходимости задавать неудобные вопросы торговому партнеру, чья экономика росла стремительно и от которого зависели рынки, контракты, инвестиции, производственные цепочки.

Никто не хотел портить отношения из-за группы людей, которых официальная пропаганда так удачно заклеимила маргиналами. Но была и третья причина глобального молчания. Самая циничная. Экономическая заинтересованность.

Осенью две тысячи третьего года в Центральную клинику города Тяньцзинь приехал пациент из Японии. В документах брокера он проходил под именем Кэндзи Ямада. Для этой истории важно не его настоящее имя, а то, что таких пациентов действительно были сотни и тысячи. Ему было пятьдесят восемь лет, он владел небольшой логистической компанией в Осаке.

У Ямады отказывала печень. Врачи в Токио сказали ему, что очередь на донорский орган в Японии может растянуться на годы. У него не было этого времени. Его кожа приобрела желтый оттенок, он с трудом ходил.

Медицинский брокер в интернете предложил ему альтернативу. Ямада прилетел в Тяньцзинь. Его поместили в палату на восьмом этаже нового трансплантационного центра. Палата напоминала номер в дорогом отеле: кожаные

диваны, телевизор, вид на ухоженный парк. Медсестры улыбались и говорили на сносном английском.

Брокер назвал цену. Десятки тысяч долларов США. Ямада перевёл деньги. Ему сказали, что нужно подождать.

В любой другой стране мира ожидание подходящего органа — это лотерея и трагедия одновременно. Врачи ждут, когда появится совместимый донор: человек с подходящей группой крови, совместимостью тканей и обстоятельствами смерти, позволяющими законно использовать орган. Это непредсказуемый процесс.

Но в Тяньцзине Ямаде назвали почти точный срок. Через несколько недель в его палату вошел хирург. Он улыбнулся и сказал:

— Господин Ямада, мы нашли для вас подходящего донора. Молодой человек. Хорошие показатели. Операция назначена на завтра.

Ямада не спросил, кто этот молодой человек. Не спросил, почему здоровый человек может стать донором точно к утру. Не спросил, где находится его семья и подписывал ли он согласие. Он просто заплакал от облегчения и сжал руку своей жены. Он хотел жить.

Таких, как Ямада, было много. Они летели из Южной Кореи, Японии, Канады, США, Европы и стран Ближнего Востока. В интернете появлялись сайты и посреднические объявления, обещавшие то, что в странах с прозрачной системой донорства звучало почти невозможно: короткое ожидание, быстрый подбор, повторная операция в случае неудачи.

Сайты открыто рекламировали свои преимущества. «Ожидание почки — от одной до четырёх недель». «Если орган не приживётся, мы предоставим другой в течение недели».

С медицинской точки зрения такие обещания были невозможны при обычной системе добровольного посмертного донорства. Чтобы гарантировать орган в течение недель, нужно иметь большой пул заранее обследованных людей: с известной группой крови, типированными тканями, проверенными анализами и возможностью извлечения органа по требованию.

Нужно иметь живой каталог. Иностранные пациенты читали эти сайты. Иностранные врачи видели, как их пациенты уезжают безнадёжно больными, а возвращаются через месяц с новыми органами. Не все знали детали. Но многие понимали: такая скорость не возникает из пустоты.

Деньги текли рекой. Трансплантационные центры расширились. Строились новые корпуса. Закупалось западное оборудование. Публиковались медицинские статьи, отчеты о сотнях операций, графики выживаемости, научные таблицы, в которых не было главного вопроса: откуда взялись органы?

Крупные международные фармацевтические компании тоже оказались рядом с этой невидимой цепью. После пересадки органа пациент должен всю жизнь принимать иммунодепрессанты — препараты, подавляющие отторжение чужих тканей. Это огромный рынок.

Некоторые западные компании поставляли оборудование, препараты, технологии, участвовали в исследованиях или сотрудничали с китайскими медицинскими структурами. Не каждое такое сотрудничество было преступным. Но общий вопрос становился неизбежным: если клиника показывает огромные объемы пересадок и необычно короткие сроки ожидания, может ли партнер, поставщик или исследователь делать вид, что его не интересует источник органов?

Система работала потому, что каждый видел только свой участок. Пропаганда создавала информационную завесу, дегуманизируя жертв. Дипломаты отводили глаза, ссылаясь на недостаток доказательств. Пациенты хотели выжить. Врачи говорили о результатах операций. Компании говорили о препаратах. Государства говорили о торговле.

И между всеми этими словами исчезал человек, лежащий на холодной койке в изоляторе.

Мэй сидела на холодном полу своей камеры. Она обхватила колени руками и тихо раскачивалась из стороны в сторону. В камере было темно. Только тусклый свет из коридора пробивался сквозь щель под тяжёлой металлической дверью. Она не знала о существовании Дворца Наций в Женеве. Она не знала о японском бизнесмене Ямаде, который сейчас гулял по парку в Осаке, дыша полной грудью благодаря чужой печени. Она не знала о глянцевых брошюрах, в которых её, мать четырёхлетней девочки, называли угрозой мировой безопасности.

Мэй просто ждала. В первые месяцы после ареста она верила, что мир не может быть настолько жестоким. Она думала, что где-то там, за высокими бетонными стенами с колючей проволокой, есть честные люди. Журналисты. Адвокаты. Международные наблюдатели. Она верила, что если они узнают правду, они придут на помощь. Они откроют эти железные двери. Они вернут её к дочери. Эта надежда помогала ей выживать. Она согревала её в ледяные ночи.

Но шли месяцы. Зима сменилась весной, весна душным, влажным летом. Люди в камере продолжали исчезать. Никто не приходил с проверками. Никто не задавал вопросов охранникам. Никто не требовал показать списки заключённых.

Постепенно Мэй начала понимать самую страшную правду этого места. Их не просто спрятали. Их вычеркнули. Для остального мира они перестали существовать. Они стали невидимыми. Их боль не регистрировалась ни на одном радаре. Их крики поглощались толстым слоем бетона и ещё более толстым слоем тотального равнодушия.

В коридоре слышались шаги. Тяжёлые, размеренные шаги ночной смены. Мэй закрыла глаза. Она больше не ждала спасения извне, она поняла, что в этой тишине они остались абсолютно одни.

В это же самое время, в тысячах километров от её камеры, в светлом зале ожидания международного аэропорта Пекина приземлился очередной рейс из Франкфурта. Пассажиры спускались по трапу. Среди них был высокий седой мужчина. Он опирался на трость и тяжело дышал. В его нагрудном кармане лежал билет в один конец и визитка медицинского брокера. Он прилетел за новым сердцем.

В зале прилёта играла тихая, успокаивающая музыка. Таможенник вежливо улыбнулся, поставил штамп в его паспорт и пожелал приятного пребывания в стране. Мир продолжал вращаться, покупая и продавая жизни в абсолютной, оглушительной тишине.

Глава 10

Белая комната

Белый цвет ослеплял. Он был повсюду. Белые стены, покрытые матовой моющей краской. Белый кафель на полу, выложенный ровными, безупречными квадратами. Белые пластиковые панели на потолке. Белые халаты людей, бесшумно передвигающихся по коридору.

После долгих месяцев в полумраке бетонной камеры, где цвета ограничивались оттенками серого, ржавого и черного, эта стерильная белизна

резала глаза. Она казалась агрессивной. Она не оставляла места для теней, для полутонов, для тайн. Здесь все было на виду.

Линь шла по коридору. Ее шаги были медленными. Тонкие подошвы тюремных тапочек почти не издавали звука на гладком линолеуме. Слева и справа от нее шли двое конвоиров. Они больше не кричали. Они не подгоняли ее ударами. В этом здании действовали другие правила. Здесь требовалась тишина. Здесь царил порядок, продиктованный не тюремным уставом, а медицинскими протоколами.

Они спустились на цокольный этаж еще час назад. Белая машина с тонированными стеклами привезла Линь во внутренний двор крупного городского госпиталя. Машина заехала прямо в подземный гараж. Тяжелые металлические ворота опустились, отрезая внешний мир. Утреннее солнце, шум улиц, крики птиц все это осталось там, наверху.

Линь остановилась перед двустворчатыми дверями из матового стекла. Над ними горело красное электронное табло. Цифры показывали время. Восемь часов четырнадцать минут утра.

Она знала, что произойдет дальше.

Осознание пришло к ней еще в камере, когда она увидела распечатки на столе дежурного врача: группа крови, показатели печени, почек, сердца, результаты УЗИ и анализов, которые ей делали без объяснений. Тогда отдельные фрагменты сложились в одну ледяную картину. В ней больше не было паники. Страх, который изматывал ее в первые недели после ночного ареста, выгорел дотла. Осталась только глубокая, звенящая пустота.

Двери разъехались в стороны. Ее завели в небольшую предоперационную палату. Посреди комнаты стояла каталка, застеленная хрустящей одноразовой простыней. Рядом находился металлический шкафчик и стул. В комнате была женщина в зеленом хирургическом костюме. На ее лице была маска, волосы тщательно убраны под шапочку. Видны были только глаза. Спокойные, уставшие глаза человека, который выполняет рутинную работу.

— Снимите это, — сказала медсестра, указывая на серую тюремную робу Линь.

Голос был ровным. В нем не было ни ненависти, ни презрения. Медсестра смотрела на Линь не как на врага государства. Она смотрела на нее как на пациента, которого нужно подготовить к процедуре.

Линь послушно расстегнула пуговицы. Жесткая ткань соскользнула с плеч и упала на пол. Медсестра подняла робу, аккуратно свернула ее и бросила в пластиковый мешок для мусора. Тюремная одежда больше не имела значения. Номер 402 остался в изоляторе. Здесь, в этой белой комнате, Линь перестала быть заключенной. Она стала человеком, которого система уже не называла человеком.

Ей выдали тонкую больничную рубашку, завязывающуюся на спине.

— Ложитесь на каталку, — скомандовала медсестра.

Линь легла. Поверхность была жесткой и холодной. Медсестра накрыла ее легким хлопковым одеялом, затем взяла с металлического столика тонометр. Она привычным движением обернула манжету вокруг худой руки Линь и накачала воздух.

Стрелка на манометре дрогнула.

— Сто двадцать на восемьдесят, — тихо произнесла медсестра, записывая цифры в карту. — Пульс семьдесят два.

Идеальные показатели. Здоровое сердце. Здоровые сосуды.

Дверь открылась, и в палату вошел мужчина. На нем тоже был зеленый костюм. На шее висел стетоскоп. Это был врач—анестезиолог. Он подошел к каталке и взял в руки медицинскую карту. Он не смотрел на лицо Линь. Его взгляд скользил по строчкам анализов, сделанных несколько недель назад. Группа крови. Резус-фактор. Показатели свертываемости.

В материалах правозащитников, которые позже окажутся в открытом доступе, снова и снова будет повторяться одна страшная мысль: необычно короткие сроки ожидания органов невозможны без заранее подготовленного источника. А если источник живой, здоровый и несвободный, медицина перестает быть медициной. Она становится логистикой смерти.

Анестезиолог достал из кармана ампулу. Надломил стеклянный носик и набрал прозрачную жидкость в шприц.

— Дайте руку, — сказал он.

Линь протянула руку. Врач протер кожу на сгибе локтя спиртовой салфеткой. Запах спирта ударил в нос, вызвав в памяти Линь воспоминания о детстве. О разбитых коленках. О матери, которая дула на ранку.

Игла вошла в вену.

— Сейчас вы почувствуете легкое головокружение, — произнес врач.

Это была стандартная фраза. Он произносил ее сотни раз.

Линь смотрела в белый потолок. Она вспомнила свой класс. Старые деревянные парты. Она вспомнила, как читала детям стихи Ли Бо. О луне, о горах, о быстротечности времени.

Жидкость из шприца попала в кровь. Потолок начал медленно расплываться. Звуки в комнате стали глухими, словно Линь погружалась под воду. Она почувствовала, как тяжелеют веки. Страх исчез окончательно. Осталось только странное, обволакивающее чувство покоя.

Ее сердце продолжало биться ровно и сильно. Оно выполняло свою работу, не зная, что каждый его удар приближает конец.

Каталку сдвинули с места. Колеса тихо зашуршали по линолеуму. Линь везли по коридору. Она видела только мелькающие белые лампы на потолке. Одна. Вторая. Третья.

Двери операционной распахнулись. Здесь было значительно холоднее. Над ней вспыхнули огромные бестеневые лампы.

Позже в материалах расследований будут появляться свидетельства, косвенные документы и рассказы людей, утверждавших, что подобные процедуры были поставлены на поток. Не все документы удастся проверить до конца. Не каждое свидетельство выдержит суд. Но общий рисунок будет повторяться с пугающей настойчивостью: медицинская точность, ведомственная тишина, разделение ролей и отсутствие имени у того, кто лежал на столе.

Процесс напоминал работу хорошо отлаженного механизма. Разделение труда было абсолютным. Один врач отвечал за наркоз. Другой — за хирургический этап. Третий — за упаковку и передачу материала. Четвертый — за документы. Пятый — за доставку.

Никто не произносил слова «убийство». У каждого была своя узкая задача, свой участок, своя подпись в журнале. Именно это и делало механизм почти невыносимым: вина дробилась на маленькие профессиональные действия, и каждый мог сказать себе, что отвечает только за свою часть.

Психологически это снимало барьеры. Врач мог сказать себе: «Я не убивал. Я просто делал работу, которую мне поручили». Фрагментация процесса размывала вину. Она превращала убийство в серию технических, медицинских манипуляций.

Анестезиолог стоял у изголовья стола. Он надел на лицо Линь кислородную маску. Затем ввел в вену вторую дозу препаратов. Это были миорелаксанты. Вещества, которые полностью парализуют все скелетные мышцы. Человек теряет способность двигаться, способность дышать самостоятельно.

Анестезиолог стоял у изголовья стола. Аппарат рядом с ним мерно шипел. Монитор тихо пищал, фиксируя ровный сердечный ритм. Линь была жива. Ее органы функционировали идеально. К столу подошел главный хирург. Он протянул руку в перчатке. Операционная сестра вложила в нее инструмент.

Дальше Линь уже ничего не видела и не слышала. Для нее белая комната растворилась в темноте. Для остальных она, наоборот, стала предельно ясной: лампы, часы, шипение аппарата, короткие команды, металлический блеск инструментов, монитор с ровной зеленой линией.

Никто не говорил лишнего. Никто не называл ее по имени. В медицинской карте оставался только номер. Группа крови. Время начала. Время передачи.

Начался этап, ради которого ее привезли сюда. На столике у стены уже ждали промаркированные контейнеры. Они выглядели буднично, почти нелепо: синий пластик, белые крышки, наклейки со штрихкодами. В них не было ничего от человеческой трагедии. Только холод, время, группа крови и маршрут доставки. Один за другим контейнеры закрывались.

В углу операционной курьер в медицинской форме проверил список. Машина уже ждала у служебного входа. В другой клинике, на другом конце города, пациент был подготовлен к операции. Его хирургическая бригада смотрела на часы. Все было рассчитано до минуты.

В какой-то момент монитор издал длинный непрерывный сигнал. Анестезиолог протянул руку и выключил звук. Шипение аппарата прекратилось. В операционной стало тихо.

Курьер в медицинской форме, ожидавший у дверей, подхватил контейнеры за пластиковые ручки. Он быстро вышел из операционной, направившись к служебному лифту. Его ждала машина с включенным двигателем. Органы начали свой путь к новым владельцам.

На хирургическом столе осталась лежать Линь. Учительница, любившая поэзию. Женщина с тихим голосом и ясными мыслями. Мать, которая однажды обещала дочери, что обязательно вернется.

Врачи начали отходить от стола. Они снимали перчатки, бросали их в специальные баки. Стягивали маски. Кто-то делал запись в журнале. Кто-то проверял время отправки контейнеров. Никто не смотрел на ее лицо. Работа была закончена. В операционную вошли санитары.

Их задача была простой и быстрой: убрать то, что еще недавно было человеком, из пространства, где все должно оставаться стерильным. В таких историях тело почти всегда исчезает слишком быстро. Кремировано. Захоронено без доступа семьи. Передано без документов. Списано санитарной формулировкой. Мешок с длинной молнией закрыли молча.

Мешок переложили на металлическую каталку и вывезли через заднюю дверь операционного блока. Коридор вел к грузовому лифту. Лифт спустился на минус второй этаж. Там, в технической зоне госпиталя, находился специальный выход. К нему уже был подан неприметный серый фургон без окон. Они молча загрузили мешок в кузов. Водитель захлопнул двери, сел за руль и завел мотор. Фургон выехал из подземного гаража и направился к окраине города.

Дальше начиналась другая часть системы — та, где исчезают следы. Закрытые ворота. Служебный вход. Бумаги, которые никто не показывает семье. Пепел без имени. Формулировка, которую невозможно проверить.

Семья Линь никогда не узнает, что с ней произошло. Через несколько месяцев ее матери придет короткое официальное письмо из управления исполнения наказаний. В письме будет сказано, что заключенная номер 402 скончалась от острой сердечной недостаточности в тюремной больнице. Тело кремировано согласно санитарным нормам. Личных вещей не осталось.

Мать будет плакать, держа в руках этот сухой казенный листок. Она будет верить, что сердце ее дочери просто не выдержало тюремных условий.

Она не узнает, что сердце ее дочери могло уже биться в груди человека, который никогда не узнает ее имени — или не захочет узнать.

В белой комнате госпиталя санитарка закончила мыть пол. Она тщательно протерла кафель раствором хлорки, смывая последние следы. Протерла металлические ножки хирургического стола. Вынесла баки с использованными материалами. В комнате снова стало идеально чисто.

Механизм завершил один цикл и был полностью готов к следующему. На столе дежурного врача в изоляторе уже лежал новый список. Компьютерная база

данных продолжала свою работу, сопоставляя индексы тканевой совместимости, группы крови и запросы из частных клиник.

Где-то в темной, холодной камере человек сидел на бетонном полу, прислушиваясь к шагам в коридоре. Он не знал, что его номер уже выбран. Что его время уже назначено.

Глава 11

Оставшиеся

Время не лечит. Оно лишь покрывает раны тонким слоем повседневности. Госпожа Чжоу, мать Линь, сидела на жестком деревянном стуле в приемной городского управления полиции. Был конец ноября. За окном шел мелкий, колючий дождь. Капли медленно стекали по мутному стеклу.

Она пришла сюда в четвертый раз за месяц. Ей было шестьдесят восемь лет. На ней было старое, но аккуратно выглаженное шерстяное пальто. В руках она сжимала потертую кожаную сумку. В сумке лежал паспорт ее дочери.

Очередь двигалась медленно. Люди подходили к окошку, отдавали бумаги, получали справки, уходили. Обычная бюрократическая рутина. Наконец, загорелся ее номер.

Госпожа Чжоу подошла к толстому стеклу. За ним сидела молодая женщина в форме. Она не смотрела на посетительницу. Она смотрела в монитор компьютера.

— Слушаю, — сухо сказала сотрудница.

— Моя дочь. Линь. Номер ее дела... — голос старой женщины дрогнул, но она заставила себя говорить ровно. — Мне прислали уведомление по почте. Там сказано, что она скончалась.

Сотрудница вздохнула. Взяла протянутый листок бумаги, пробежала глазами по строчкам, постучала по клавиатуре.

— Да. Скончалась. Что вы хотите?

— Я хочу забрать тело. Мне нужно похоронить мою дочь.

Сотрудница впервые подняла глаза. В них не было ни сочувствия, ни злости. Только усталость от вопросов, на которые она давно привыкла отвечать без участия.

— Тела нет. Кремировано согласно санитарным нормам.

— Тогда отдайте мне прах. Пожалуйста.

— Прах не подлежит выдаче. Личные вещи не сохранились. Вот ваша справка. Следующий.

Из узкой щели под стеклом выехал стандартный бланк. Черные буквы на белой бумаге. Госпожа Чжоу взяла листок дрожащими руками. Она отошла от окна, чтобы не мешать следующему человеку. Она встала в углу коридора и посмотрела на текст.

В графе «Причина смерти» стоял прочерк. Ни диагноза. Ни времени. Ни подписи лечащего врача. Просто пустая линия, перечеркивающая тридцать четыре года человеческой жизни.

Государство забрало у нее дочь. Оно забрало ее свободу. Оно забрало ее тело. А теперь оно забрало даже право на скорбь.

Когда человек умирает, остаются ритуалы. Остается возможность омыть тело. Положить цветы. Поставить памятник, к которому можно приходить в дни поминовения. Это помогает живым принять утрату.

Семьи исчезнувших были лишены даже этого. Они оказались заперты в бесконечном, мучительном лимбе. Без тела и без официального свидетельства с указанием реальной причины смерти разум отказывается верить в случившееся. Надежда становится пыткой. А вдруг это ошибка? А вдруг она жива и просто переведена в далекий северный лагерь? А вдруг однажды ночью раздастся стук в дверь?

Госпожа Чжоу вернулась в свою пустую квартиру. Она подошла к небольшому деревянному столику у окна. Там стояла фотография Линь. На фото она улыбалась, стоя на фоне школьной доски.

Мать зажгла тонкую ароматическую палочку. Тонкая струйка сизого дыма поднялась к потолку. Она не плакала. Слез больше не осталось. Осталась только звенящая, оглушительная тишина пустых комнат. Тишина, в которой больше никогда не зазвучит голос ее ребенка.

В тысячах километров от этого места, на другом континенте, шел густой снег. Вэй стоял у окна своей небольшой съемной квартиры в пригороде Торонто. Ему было двадцать восемь лет. В его волосах уже появилась ранняя седина. Он смотрел на заснеженную улицу. По тротуару шли люди. Женщина везла детскую коляску. Двое подростков смеялись, бросая друг в друга снежки. Желтый школьный автобус медленно остановился на перекрестке, мигая красными огнями. Это был безопасный, спокойный мир.

Вэй был свободен. У него были документы беженца. У него была теплая куртка. В холодильнике лежала еда. Никто не придет за ним ночью. Никто не заставит его сидеть на ледяном бетоне. Но свобода оказалась тяжелым испытанием.

Травма пережитого не исчезает при пересечении государственной границы. Она остается внутри. Она вырастает в нервную систему. Она меняет оптику, через которую человек смотрит на мир.

Когда он спускался в метро и смотрел на лица пассажиров, он невольно задавал себе один и тот же вопрос: что сделают эти спокойные, вежливые люди, если завтра им скажут, что он — враг? Если по телевизору объявят, что он опасен?

Отвернутся ли они? Промолчат ли? Сделают ли вид, что ничего не знают? Он помнил, как быстро рушились социальные связи в его родном городе. Как соседи переставали здороваться. Как преподаватели отводили глаза. Как люди, еще вчера просившие у его матери рецепт лапши с имбирем, внезапно начинали говорить шепотом, когда он проходил мимо.

Его восприятие человеческой природы было надломлено навсегда. Он знал, насколько тонка пленка цивилизации. Он знал, что под вежливыми улыбками скрывается бездна равнодушия, готовая поглотить любого, на кого укажет власть.

Иногда травма проявлялась физически. Неделю назад Вэй зашел в обычную канадскую аптеку, чтобы купить таблетки от головной боли. За прилавком стоял фармацевт в белом халате. Вэй посмотрел на этот белый халат, и ему внезапно не хватило воздуха.

Стены аптеки начали сужаться. В ушах зазвенело. Он вспомнил светлые коридоры медицинского блока. Он вспомнил глаза медсестры, которая брала у него кровь. Пять больших пробирок.

Он выбежал на улицу, оставив покупки на кассе. Он стоял на морозе, жадно глотая ледяной воздух, пока сердце не перестало биться о ребра.

Выжить — не значит исцелиться. Выжить — значит нести эту память до конца своих дней. Вэй отошел от окна и сел за письменный стол.

На столе лежал ноутбук. Вокруг него громоздились десятки картонных папок. В них были распечатки, фотографии, списки имен. Те, кто сумел выбраться, кто прошел через лагеря и смог покинуть страну, нашли для себя единственный способ продолжать жить. Они превратили свою жизнь в свидетельство. В архив чужой боли и правды.

Вэй открыл программу для аудиозвонков. Он набрал номер. Гудки шли долго. Наконец, на другом конце ответил тихий женский голос.

— Алло?

— Здравствуйте, госпожа Сунь, — мягко сказал Вэй. — Это Вэй. Мы договаривались о разговоре. Вы готовы?

Женщина помолчала. Было слышно ее тяжелое дыхание.

— Да. Я готова.

Вэй нажал кнопку записи. Он собирал эти свидетельства по крупицам. Искал родственников исчезнувших. Связывался с бывшими заключенными, которым удалось бежать в Европу, Австралию, Америку.

Он слушал их истории.

«Моего мужа забрали в сентябре двухтысячного года, — говорил голос госпожи Сунь из динамиков. — Он был инженером. Очень добрый человек. Через полгода мне позвонили из полиции. Сказали приехать в крематорий. Я приехала. Мне вынесли урну. Я спросила, от чего он умер. Мне ответили, что он покончил с собой. Но мой муж никогда бы этого не сделал. Он любил жизнь. Я попросила показать мне акт вскрытия. Они рассмеялись и выгнали меня на улицу. Я до сих пор не знаю, чей прах стоит у меня дома».

Вэй печатал текст, переводя аудио в буквы. Каждая такая история была каплей в огромном океане горя. Но эти капли нужно было сохранить.

Система рассчитывала на забвение. Она уничтожала тела, чтобы не оставить улик. Она выдавала пустые справки, чтобы стереть юридический след человека. Она запугивала родственников, чтобы они молчали.

Работа Вэя и сотен других выживших была актом сопротивления этому забвению. Они составляли свои собственные списки. Списки тех, кто не вернулся.

Они записывали даты арестов. Даты последних медицинских осмотров. Даты исчезновений.

Они искали закономерности. Собирали свидетельства, которые однажды смогут лечь на стол международных расследователей, правозащитников, журналистов и, если мир когда-нибудь решится, настоящего суда.

Вэй открыл следующую папку. Там лежали показания бывшего врача, которому удалось бежать в Японию. Врач рассказывал о том, как его заставляли подделывать медицинские карты. Как он вписывал вымышленные диагнозы людям, чьи органы уже были распределены между получателями.

Вэй читал эти сухие, профессиональные строки, и перед его глазами вставали лица тех, с кем он делил камеру.

Сунь Мин. Гао. Ли. Молодые, сильные парни. Их больше нет. Их тела стали частью той самой системы, о которой мир спорил слишком долго и слишком осторожно.

Чувство вины выжившего накрывало Вэя тяжелой волной. Почему он здесь? Почему его кровь не подошла? Почему его оставили в покое, а их забрали? Ответа не было. Была только слепая, безжалостная лотерея биологической совместимости.

Вэй закрыл ноутбук. Он потер уставшие глаза. В комнате было тихо. Только гудел холодильник на кухне. Он встал из-за стола и подошел к свободному пространству посреди комнаты. Он снял тапочки. Встал босиком на деревянный пол. Он закрыл глаза. Медленно поднял руки. Вдох. Выдох. Он начал выполнять упражнения Фалунь Дафа. Те самые упражнения, за которые его арестовали. За которые его били. За которые убили его друзей.

Движения были плавными, неспешными. В этот момент Вэй понимал самую главную, самую глубокую правду о том, что произошло. Они обладали абсолютной физической властью. Они могли назвать любого человека «сектантом», запереть в бетонный подвал. Могли лишить его сна, забрать его сердце, печень, почки. Могли сжечь его тело в печи. Но они оказались бессильны перед человеческим духом.

Несмотря на весь масштаб репрессий, несмотря на изощренные методы психологического давления, несмотря на страх смерти, система не смогла полностью уничтожить внутренние убеждения людей.

Кто-то не подписывал бланки отказа. Кто-то подписывал под пытками, а потом всю жизнь винил себя. Кто-то молчал, чтобы выжить. Кто-то шептал про себя

три слова, которые были для них не лозунгом, а внутренней опорой: Истина, Доброта, Терпение.

Вэй вспомнил Лао Чэня. Мужчина сидел в углу камеры, замерзая на ледяном полу. У него болели суставы. У него не было теплой одежды. Но его глаза оставались ясными. Он не проклинал своих мучителей. Он просто сохранял свое достоинство в условиях, где достоинство казалось невозможным.

Мэй — мать, у которой отняли ребенка. Она плакала по ночам беззвучно, чтобы не разбудить остальных. Но утром вытирала слезы и делилась скудным пайком с теми, кто был слабее. Их тела были уничтожены. Но их вера осталась нетронутой.

Вэй опустил руки. Упражнение было закончено. Внутри него разлилось тепло. То самое тепло, которое он чувствовал много лет назад, в городском парке, когда мир еще был нормальным.

Он знал, что никогда не забудет пережитого. Травма останется с ним. Он будет просыпаться по ночам от звука шагов в коридоре. Он будет бояться белых халатов. Он будет плакать, слушая голоса матерей, потерявших своих детей. Но он жив. Он помнит. И он будет говорить.

Наступило утро. Снег перестал идти. Небо над Торонто очистилось, стало пронзительно синим, холодным и ясным. Вэй оделся и вышел на улицу.

Город просыпался. Открывались кофейни. Пахло свежей выпечкой и жареными зернами. Люди спешили к станциям метро, кутаясь в шарфы. Смеялись студенты. Гудели машины.

Мир продолжал жить. Он всегда продолжает жить. После каждой катастрофы. После каждой трагедии. Солнце встает, распускаются листья, рождаются новые дети.

Вэй шел по очищенному тротуару. Он смотрел на этот мирный, суетливый пейзаж. Где-то далеко за океаном, в чистых, светлых палатах частных клиник просыпались люди. Они чувствовали себя лучше. Строили планы на будущее. Дышали полной грудью.

Возможно, они никогда не узнают имен тех, чьи жизни могли быть оборваны ради их спасения. Они не знали о пустых местах на бетонном полу. О черных пластиковых мешках. О пустых урнах, выданных матерям. Они просто жили.

Вэй остановился на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора. Он закрыл глаза и прислушался к своему дыханию.

Мир шел дальше. Но в памяти тех, кто остался, навсегда застыли те белые, стерильные комнаты. Комнаты, где под ярким светом хирургических ламп, в абсолютной, узаконенной тишине, человеческую жизнь превращали в строку учета, контейнер, справку без причины смерти и пустоту, с которой потом оставались жить другие.